

81.632.93-3

A769

1263929

А.К. АППОЕВ

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

**НАЛЬЧИК
2004**

кф

✓

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР и КБНЦ РАН

126-3929

А.К. АППОЕВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

НАЛЬЧИК
2004

81.632.93-3

УДК 81'373=35

ББК 81-3

А - 76

Печатается по постановлению
Ученого Совета Института Гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН

Научный редактор: доктор филологических наук профессор
Улаков М.З.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор
Гузеев Ж.М.
доктор филологических наук, профессор
Кетенчиев М.Б.

АППОЕВ А.К.

А - 76 Этнографическая лексика Карачаево-Балкарского
языка. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2004. – 118 с

ISBN 5-901497-17-1

В монографии системно представлена этнографическая лексика, связанная с бытом, хозяйством, обрядами обычаями карачаевцев и балкарцев. Проведен мотивационный анализ, выявлены наборы мотивировочных признаков. В исследовании подробно рассмотрены семантические особенности и основные способы образования этнографической лексики карачаево-балкарского языка.

Монография предназначена для широкого круга лингвистов – преподавателей вузов, аспирантов, учителей средних школ, студентов-филологов.

© **А.К. Аппоев**

Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН

ВВЕДЕНИЕ

На всех этапах развития общества язык неразрывно связан с жизнью народа, его культурой. В языке отражаются элементы материальной, духовной, нравственной культуры народа. «Природа страны, история страны и народа, отражаясь в душе человека, выражается в слове. Люди исчезали, но слово, созданное ими, оставалось бессмертной неисчерпаемой сокровищницей языка», - отметил Ушинский (Ушинский, 1939, 12).

Язык представляет собой кладовую истории этноса – его носителя, а лексика непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа. Ни фонетика, ни грамматика языка не могут показать нам условия жизни народа так полно, как лексика. В силу этого на всех этапах развития языкознания большое место уделялось составлению словарей, изучению лексического состава языка. В этом плане не является исключением и тюркское языкознание. Уже со времен М. Кашгари лексика тюркских языков является объектом пристального внимания ученых – тюркологов. По разным вопросам лексикологии создано немало работ, среди которых наиболее крупными являются работы Л.З. Будагова (1869-1871), т.1-2; В.В. Радлова (1893-1911), т.1-4; М.. Рясенена (1955); Н.К. Дмитриева (1962); Дж. Г. Киекбаева (1966); Э.Ф. Ишбердина (1966); Э.В. Севортяна (1974-1980); К.М. Мусаева (1975); А.А. Юлдашева (1981); А.И. Кононова (1982); Н.А. Баскакова (1985) и др.

Однако, как показывают исследования, развитие тюркской лексикологии заметно отстает в сравнении с изучением морфологии, синтаксиса, фонетики. Современная лексикология, как и тюркологическая наука в целом, развивается вширь, ей в значительной мере недостает глубины исследования. И это неслучайно. Главной причиной является то, что еще недостаточно выявлен сам объект изучения – полный словарь каждого из конкретных живых тюркских языков, отсутствуют полные словари древнетюркских, среднетюркских и более поздних тюркских памятников, нет полноты также в

публикации диалектной лексики. Недостаточно разработаны и сами методы исследования лексики – наиболее сложного раздела языка. Поэтому изучение лексики конкретных тюркских языков с полным охватом материалов приобретает особую актуальность. При скудности или отсутствии исторических данных о прошлом тюркских народов лексика может дать сведения о древних местах обитания и хозяйственных особенностях тюркоязычных народов и т.д., что будет способствовать уточнению этнической истории тюркоязычных народов.

В настоящее время выявлен и накоплен значительный материал по лексике ряда конкретных тюркских языков. Он может послужить основой для важных теоретических и исторических обобщений и выводов.

Изучение лексики по тематическим группам представляется наиболее верным в исследовании словарного запаса конкретных тюркских языков. Следуя этому методу, можно получить представление о природных условиях, в которых проходила жизнь народа, об основных занятиях, особенностях хозяйства, жилища, общественно-политического устройства, особенностях древнейших верований народа (Мусаев, 1975).

Исследование лексики по тематическим группам позволяет с достаточной полнотой выявить связи и отношения между обозначаемым и обозначающим, установить объем значения, определить значение и очертить круг лексико-грамматических связей слов. Общее исследование лексики по тематическим группам позволяет обнаружить еще не зарегистрированные в словарях лексические единицы и организовать их изучение, поэтому в последнее время в тюркологии интенсивно разрабатываются различные тематические группы лексики. Написаны монографии, диссертационные работы по животноводческой, земледельческой лексике, о терминах питания, скотоводства, пчеловодства, ковроткачества, родства и т.д. отдельных тюркских языков (Антадзе, 1987; Баязитов, 1982; Бегжанов, 1980; Бурганова, 1982; Гаген-Торн, 1969; Дегтярев, 1987; Дильмухаметов, 1994; Жаппуев, 1974;

Жилкубаева, 1991; Зайнуллина, 1987; Ишбердин, 1983; Курбанов, 1975; Мурадова, 1968; Улаков, 1983; Хайрутдинова, 1987; Шамшатова, 1966; Шитова, 1984; Яруллина, 1982). Однако многие тематические и лексико-семантические группы (ЛСГ) слов тюркских языков до сих пор продолжают оставаться мало исследованными. К таковым относится и этнографическая лексика карачаево-балкарского языка, закодировавшая историю, философию, психологию, историю культуры карачаево-балкарского этноса.

Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка очень богата и разнообразна. Несмотря на это, она не подвергалась систематическому исследованию, чем и обусловлен выбор темы и объекта нашего исследования.

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы и отсутствием работ по комплексному изучению этнографической лексики карачаево-балкарского языка, ее систематизации и классификации, стратификации и этимологизации, определению принципов номинации. Мало фундаментальных тематических исследований. В отдельных же работах, в которых в той или иной степени затрагивается данная тематическая группа, авторы ограничиваются лишь перечислением некоторых названий продуктов питания, одежды, земледельческих и других терминов. Что же касается происхождения этнографической лексики, то этимологическому анализу подвергались лишь отдельные слова карачаево-балкарского языка. Важность сбора и исследования этнографической лексики карачаево-балкарского языка вызвана тем, что далеко не в полном объеме собраны и систематизированы названия предметов повседневного обихода; названия праздников, торжеств, обычаев и обрядов, а также терминология родства и свойства; лексика, связанная с народными промыслами; названия национальной одежды, обуви, украшений; названия продуктов питания, посуды и т.д. Многие из них не отражены в словарях, в результате чего люди среднего и молодого поколения плохо знают общелитературные, народные и региональные их наименования.

Необходимость сбора и изучения лексики, формировавшейся в течение долгих веков общественной и духовной деятельности народа, определяется еще и тем, что она может дать ценнейший материал о лексико-семантическом и структурном развитии лексических единиц карачаево-балкарского языка, способствует раскрытию различных сторон хозяйственной деятельности древних карачаевцев и балкарцев; выявлению языковых, хозяйственных и культурных связей карачаевцев и балкарцев с другими родственными и неродственными народами, а также позволит поставить и решить отдельные вопросы теоретической лексикологии. В целом, актуальность избранной темы определяется общетеоретической значимостью, с одной стороны, и ее недостаточной разработанностью в карачаево-балкарском языкознании, с другой.

Основная цель работы заключается в выявлении и системном исследовании этнографической лексики карачаевцев и балкарцев. Исходя из этого, решаются следующие задачи:

- сбор и систематизация этнографической лексики, связанной с бытом, хозяйством, обрядами, обычаями карачаевцев и балкарцев;

- изучение ее семантической и словообразовательной структуры;

- выявление принципов мотивации;

- определение основных признаков номинации этнографической лексики.

Методологической и теоретической базой исследования явились труды ученых, занимавшихся теорией лексической семантики. Написанию нашей работы в значительной степени способствовало изучение лингвистических изысканий языковедов в области теории языка, а также русистов и тюркологов: Л.З. Будагова, В.В. Радлова, М. Рясенена, Н.К. Дмитриева, Дж.Г. Киекбаева, Э.Ф. Ишбердина, Э.В. Севортяна, К.М. Мусаева, А.А. Юлдашева, А.Н. Кононова, Э.Р. Тенишева, Н.А. Баскакова, И.М. Отарова, Ж.М. Гузеева, Р.С. Аликаева, М.З. Улакова и др.

Анализ этнографической лексики проводится с учетом того, что современная лингвистика характеризуется ориенти-

рованностью как на «микромир», так и на «макромир» языка. Данный подход ложится в русло одного из основных принципов современной лингвофилософии о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, связи языка с историей и культурой народа.

Объектом исследования являются этнографизмы в их лексико-семантическом и структурном многообразии, а также принципы номинации и функциональные особенности указанного пласта лексики.

Материал для исследования извлечен из толковых, этимологических, двуязычных словарей карачаево-балкарского и других тюркских языков, из современных и исторических работ по этнографии карачаевцев и балкарцев. Основная часть этнографической лексики, привлекаемой к анализу, собрана автором у представителей старшего поколения карачаевцев и балкарцев.

ГЛАВА 1. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ИСТОРИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1.1. Понятие об этнографической лексике

Для нашего исследования важно выяснение сущности понятия об этнографической лексике. В связи с этим в работе рассматриваются термины этнолингвистика, этнографическая лексика, этнокультурная лексика, этнографические диалектизмы, этнографизм и т.д.

Изучением языковых единиц в культурно-историческом и этнографическом контексте занимается *этнолингвистика*. Этнолингвистика в широком смысле слова это наука, изучающая взаимоотношение между этносом и языком во всем его многообразии. В предметной области пересекается с такими отраслями гуманитарного знания, как социоллингвистика, психоллингвистика, этнология, этнография общения, фольклористика, мифология, поэтика. Предмет этнолингвистики необычайно широк и охватывает такие области, как этноязыковые процессы во внутренних и в межэтнических контактах; язык и традиционная культура; язык и этническая специфика мышления и др. Такая широта предметной сферы этнолингвистики обуславливает большое количество теоретических и методических подходов, а также и определенную теоретическую незавершенность.

Термин *этнолингвистика* обычно применяется там, где сохраняются понятия *этнография* и *этнология*, и как самостоятельная научная отрасль переживает стадию оформления. В широком своем значении этот термин включает всю сферу взаимодействия между языком и этносом, в узком – этнолингвистика рассматривается как раздел языкознания, изучающий соотношение языка и духовной культуры, народного творчества и народного менталитета.

Надо отметить, что этнолингвистические исследования в тюркологии пока малочисленны. Между тем этнолингвистика в настоящее время активно развивается на материале

славянских и других языков. Одним из основоположников этого направления в славянском языкознании по праву считается академик Н.И. Толстой. Этнолингвистика определяется им как «раздел языкознания или шире -- направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов корреспонденции» (Толстой, 1983, 182).

Н.И. Толстой отмечает также, что этнолингвистика «не есть простой гибрид языковедения и этнологии или смесь отдельных элементов того и другого. Это наука, как и ряд других смешанных дисциплин, четко определяющая аспект, в котором формируется и функционирует язык» (Толстой, 1983, 182).

Таким аспектом в нашем случае является этнографическая лексика. По мнению Н.И. Толстого, в этнолингвистике язык «всегда остается основным предметом исследования вне зависимости от того, какая субстанция (языковая или неязыковая) и какая функция (обрядовая, коммуникативная, мифологическая и т.п.) подвергается анализу» (Толстой, 1983, 182), изучение языка в культурно-историческом контексте становится «дополнительным источником, а в ряде случаев и решающим критерием реконструкции исходного значения слова и направления его семантической эволюции» (Толстой, 1983, 182).

Как было отмечено выше, этнолингвистические исследования невозможны без учета данных этнографии и лингвистики.

Этнографы рассматривают в предмете отражение этнических особенностей материальной и духовной культуры народа, обычаев и традиций. Языковедам необходимо знать, какими результатами научного поиска располагают фольклористы и этнографы. И, наоборот, последние в свою очередь должны опираться на сведения, добытые лингвистами при изучении общего объекта этих отраслей знания. Иначе говоря, этнографическая лексика, аккумулирующая в себе языко-

вые данные о материальной и духовной культуре этноса, служит ценным источником этнолингвистического осмысления этого наследия, его описания и воссоздания в возможных пределах. Именно на этой основе обнаруживается глубокая внутренняя связь проблем языкознания и этнографии.

Многовековая история карачаевцев и балкарцев, их материальная и духовная культура, национальные традиции и обычаи, хозяйственно-экономический уклад жизни и т.д. – все это находит отражение в языке, точнее, в этнографической лексике. Между тем следует отметить, что в исследованной нами литературе не удалось найти четкого научного определения самого термина «*этнографическая лексика*» отсутствуют конкретные критерии, которые дали бы возможность отличить этнографическую лексику от любой другой группы лексики.

Термин «*этнографическая лексика*» встречается всего в нескольких работах по тюркологии. Поэтому мы считаем необходимым обосновать оперирование этим понятием и объяснить его сущность. Поскольку лексика – это словарный состав, то определение понятия «этнография», возможно, тоже расширит наши представления об этнографической лексике. Прежде всего обратимся к словарям. В разных словарях это понятие трактуется по-разному.

Например, в энциклопедическом словаре 1896 года дается следующее определение этнографии: «... наука, занимающаяся изучением культуры народов, не входящих в круг ведения истории и доисторической археологии, т.е. главным образом народов первобытных и тех слоев культурных народов, которые сохранили черты первобытного строя» (Брокгауз, Ефрон, 1896, Т.81, 180-190).

В части определения круга задач данной науки составители словаря конкретно указали на необходимость изучения «образа жизни, нравов и обычаев людей, в особенности первобытных, как наиболее близко стоящих к природе» (Там же, С.181).

Определены также отделы этнографических явлений:

1. Материальная культура (пища; способы добывания пищи и порождаемые ими формы хозяйства; приручение животных; орудия; утварь; оружие; средства сообщения; жилище; одежда и украшения).

2. Социальный строй (брак и семья; общественные союзы).

3. Духовная культура (язык и религия; нравственность; искусство; поэзия; письмо) (Там же С.187).

Отсюда следует, что к этнографической лексике составители словаря отнесли всю совокупность слов, характеризующих образ жизни, нравы, обычаи народов, которые сохранили черты первобытного строя.

В Большой Советской Энциклопедии (1978 г.) термин этнография обозначается «... общественная наука, изучающая народы – этносы и другие этнические общности, их этногенез, быт, культурно-исторические отношения» (Большая Советская Энциклопедия, 1978, Т.30, 892). При этом особое внимание уделяется изучению черт традиционной повседневной (бытовой) культуры народа, образующих его этнический облик. Следовательно, к этнографической лексике относятся слова, которые раскрывают весь облик этноса – от способов ведения хозяйства до религиозных верований.

В последних изданиях энциклопедических словарей понимание этой науки получило расширенную трактовку: «... наука, изучающая бытовые и культурные особенности народов мира, проблемы происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений народов» (Советский энциклопедический словарь, 1978, 1568).

В толковых словарях термин этнография определяется как «описание быта, нрава и обычая народа» (Даль, 1955, Т.4, 666). Значит, совокупность слов какого-либо языка, употребляющихся для описания быта, нравов и обычаев народа составляют этнографическую лексику.

Во всех словарях русского языка (Словарь русского языка, 1961, Т.4, 1056; Словарь современного русского литературного языка, 1965, 1942-1943; Ожегов, 1986, 791) приводится два значения этой науки: «1. Наука изучающая матери-

альную и духовную культуру народов, их культурно-исторические взаимоотношения. 2.Совокупность всех особенностей быта, нравов, культуры какого либо народа, народности». Следовательно, к этнографической лексике относятся слова, связанные с материальной и духовной культурой, т.е. особенностями быта, нравов, культуры какого-либо народа.

Из специальных терминологических словарей (по этнографии) можно привести лишь словарь азербайджанского языка (Составители М.Гасымов, Г.Кулиев, И.Мамедов, 1987). К этнографической лексике в нем отнесены термины, связанные с материальной и духовной культурой, бытом, земледелием, животноводством, ремеслами, народной музыкой и народной медициной, специфические слова, обозначающие названия национальной одежды, национальных обычаев и традиций, религиозных и семейных обрядов. В числе терминов, связанных с социальными отношениями, даны термины, обозначающие титулы, должности, узы семейства и родства.

Немало слов, содержащих в себе информацию по самым различным сторонам быта и культуры народа, можно обнаружить в словаре К.К.Юдахина (Юдахин, 1965). Им в состав этнографической лексики включены слова, связанные с пищей, одеждой, народной медициной, обрядами киргизов, а также слова, употребляемые для обозначения меры веса и площадей, термины, характеризующие идеологию, религию народа.

Как видно из вышерассмотренных работ, под выражением «этнографическая лексика» подразумевается совокупность слов, употребляющихся для характеристики быта, материальной и духовной культуры какого-нибудь народа. Между материальной и духовной культурой определенного этноса нет строгой границы, делящей их на диаметрально-противоположные категории и понятия. Наоборот, материальная и духовная сферы жизни этноса тесно взаимосвязаны между собою, они взаимообусловлены в своем порождении и постоянном развитии.

Тем не менее принцип дифференциации этнокультурного наследия на материальное и духовное с допущением некоторой условности вполне оправдывает себя, и этого принципа классификации придерживаются не только этнолингвисты (Ахметьянов, 1981; Колесов, 1972), но и культурологи (Материальная культура..., 1989), этнографы (Культура и быт..., 1967), и другие ученые. Итак, к этнографической лексике относятся, во-первых, лексика материальной культуры, во-вторых, лексика духовной культуры. Причем понятие «материальная культура» охватывает не только материально объективированные явления культуры в сфере производства и потребления, но и связанные с ними формы человеческой деятельности, ориентации и опыта. Поскольку такие явления, как предметы обихода, утварь, пища, одежда, жилище являются исходными объектами исследования материальной культуры, по существу лексика, отражающая явления материальной культуры, и предметно-бытовая лексика в этой части совпадают. Закрепившиеся и передающиеся из поколения в поколение способы организации и осуществления бытовой жизни определенного народа образуют присущий только ему уклад повседневной жизни, изучение чего и является целью этнографических исследований. А для лингвистических исследований важны слова и выражения, в которые облечены понятия жизненного уклада народа.

Но здесь необходимо уточнить, что бытовая лексика и этнографическая лексика – не одно и то же. Бытовая лексика, в зависимости от узкого и широкого подхода к ее этнолингвистическому статусу и охвату материала, рассматривается по-разному. Так, например, в одних работах, посвященных бытовой лексике, к ней относят названия жилища и связанные с ним понятия жилищно-хозяйственного строительства, названия одежды, головных уборов, обуви и украшений, а в других кроме того – наименования предметов домашнего обихода, названия драгоценностей, тканей и др. (Качалкин, 1963; Моисеева, 1970; Сорока, 1977; Лукина, 1990).

Естественно, все это сближает бытовую лексику с этнографической. Но следует отметить, что, во-первых, пере-

чень наименований лексико-семантических групп предметно-бытовой лексики не покрывает всего богатства этнографической лексики, т.е. бытовая лексика является более узкой областью словаря языка, чем этнографическая лексика; во-вторых, этнографическая лексика своими корнями уходит в глубокую древность, отражая вековую, стойкую традицию этнокультуры народа, тесно связанную с аналогичной культурой других тюркских народов, близких не только по языку, но и по укладу жизни.

Этнографическую лексику иногда сближают с профессиональной. Для этого, действительно, есть определенные основания. Однако этнографическая лексика в отличие от профессиональной является принадлежностью не ограниченной группы лиц, объединенных одной профессией, а подавляющего большинства носителей данного языка и относится к сфере производства или обозначает наименования предметов и орудий труда определенных ремесел и промыслов.

Понятие «духовная культура» подразумевает совокупность таких духовных ценностей, созданных человеческим обществом, как музыкальное и устно-поэтическое творчество, обычаи, обряды, традиции, верования, менталитет, народная медицина. Отсюда следует, что лексика духовной культуры включает термины родственных и семейных отношений, слова, относящиеся к мифологии, фольклору, обрядам; народной музыке, устному народному творчеству.

Таким образом, этнографическая лексика в семантическом отношении разнопланова. Она включает слова, отражающие национальные особенности материальной культуры, специфические этнические свойства духовного облика, черты национально-этнического характера.

В лингвистической литературе встречается ряд терминов, синонимичных этнографической лексике: «этнокультурная лексика» (Жанпейсов, 1989, 3), «этнографические диалектизмы», «этнографизмы» (Шанский, 1959, 111; Нечаева, 1965, 71; Калинин, 1966, 127), «этнографические термины». Что касается понятия «термин», то в научной литературе имеются самые противоречивые формулировки и суждения.

В теоретических исследованиях выделяются два направления. Сторонниками первого направления (Г.О. Винокур, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко и др.) термины определяются как единицы литературного языка, обладающие всеми их свойствами. Так, например, Н.П. Петров утверждает, что в «принципе каждое слово может быть термином, но только в особой функции» (Петров, 1976, 5).

Сторонники второго направления (О.С. Ахманова, Е.М. Галкина-Федорук и др.) утверждают, что термин является особой единицей языка, отличающейся своими специфическими признаками. Большинство ученых, стремящихся провести границу между термином и словом литературного языка, обращают внимание на его особую функцию, и в настоящее время функциональная точка зрения находит все большее число сторонников. Они исходят из того, что термин – не особый вид лексической единицы, а особая функция, способ его употребления. Одна и та же лексическая единица способна функционировать как определенный термин и как нетермин; терминологическую функцию может выполнять любое слово, взятое из общелитературной лексики.

Как отмечает Р.С. Аликаев, «термин обозначает понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь в составе целостной терминологической системы. Термин – понятие функциональное, от других единиц лексической системы языка он отличается функционально, и следовательно, подходить к его изучению следует именно с функциональных позиций, принимая в рассмотрение лишь те свойства, которые обуславливают, прежде всего, эти его качества (Аликаев, 1999, 251-260).

Этнография изучает непосредственную жизнь и ее термины очень часто взяты из жизни. Это приводит к тому, что научное значение того или иного термина не вытесняет полностью его обыденного «нетерминологического» значения, а сосуществует с ним, что ведет к неоднозначности терминологии. Исходя из этого, слова и выражения, харак-

теризующие определенный этнос, могут быть и терминами, когда они называют научное понятие.

В любом языке в зависимости от сферы употребления отчетливо выделяются два лексических слоя слов: один – более многочисленный – составляют слова общенародного языка, другой – слова, употребляемые населением определенной территории. Они составляют местную диалектную лексику, выражающие понятия о предметах и явлениях, характерных для хозяйства, быта и культуры жителей определенного ареала. Этнографическую лексику, как определенную тематическую группу лексического разряда, можно разделить на общеупотребительные и диалектные. Под этнографическими диалектизмами понимаются лексические единицы, связанные по всей семантике или внешней форме с особенностями местного быта. При этом наблюдаются следующие типы связей:

а) диалектное слово, отсутствующее в литературном языке, служит обозначением специфической местной реалии, не знакомой носителям литературного языка;

б) в диалектном слове, принадлежащем к литературному лексико-семантическому типу, актуализируются семантические признаки, отсутствующие у соответствующего литературного слова. Поэтому употребление термина «этнографические диалектизмы» в части объяснения отношения этнографической лексики к лексике литературного языка оправдано.

Для характеристики материальной и духовной культуры, особенностей быта, нравов казахского народа Н.Е. Жанпеисов употребляет термин «этнокультурная лексика» (Жанпеисов, 1989).

Ссылаясь на определение Ю.В. Бромлей: «Основным носителем этнических свойств, этническим слоем культуры вообще является обыденное сознание, обиходный язык и традиционно-бытовая культура. Отсюда в предметную область этнографии входят все компоненты этноса, обладающие в той или иной степени этническим своеобразием» (см.: Бромлей 1973, 75, 212), Н.Е. Жанпеисов дает следующее оп-

ределение термина: «... эти компоненты этноса воспроизводятся устно-разговорными средствами, что в совокупности составляет его этнокультурную лексику» (Жанпеисов, 1989).

Из анализа работы видно, что этническая специфика, своеобразие народа выражено в языке именно через термины, называющие явления материальной и духовной культуры, и лексику, обозначающую родственные и семейные отношения, перечень которых автор включил в сводный список историко-этнографических названий.

Другой исследователь Р.Г. Ахметьянов к этнокультурной лексике относит слова, называющие природные явления; лексику, отражающую явления материальной и духовной культуры, куда включаются:

- 1) термины родственных и семейных отношений;
- 2) термины общественных отношений;
- 3) слова, относящиеся к духовной жизни людей (музыка, искусство, развлечения), образованию, воспитанию;
- 4) слова, характеризующие людей в системе общественных связей и ценностей;
- 5) слова, относящиеся к мифологии, фольклору и обрядам (Ахметьянов, 1989).

Как видно, к этнокультурной лексике автор относит слова, отражающие ход развития культуры народа, изменения в общественной и духовной жизни. Отсюда и синонимичность терминов «этнографическая лексика» и «этнокультурная лексика».

Как известно, *этнографизм* – это наличие (обычно чрезмерное) этнографических особенностей, описаний, деталей в книге, спектакле и т.п. В лингвистической литературе этнографизмами называются слова и выражения, в которые облечены понятия народных традиций и обычаев. Поскольку народные традиции, обычаи и обряды глубокими корнями уходят в духовную, общественную и социально-экономическую жизнь каждого народа, то в них и в основном более выпукло выражаются национальные особенности, характер и склад души того или иного народа. Поэтому вполне

закономерно параллельное употребление терминов «этнографическая лексика» и «этнографизмы».

Для нашего исследования также важно выяснение сущности таких понятий, как «тематическая группа» (Филин, 1977, 142-150), «тематический ряд» (Медникова, 1969, 16-26), «логическая группа» (Смирницкий, 1956), «предметная группа» (Уфимцева, 1962).

Под всеми этими синонимами подразумевается словарная группа, объединенная в силу предметной логики, классификации внеязыковых реалий, а не на основе чистых лексико-семантических связей. Из всех вышеперечисленных синонимов этнографическую лексику можно определить только как тематическая группа (ТГ) лексического состава языка. Тематическая группа по содержанию близка к терминологической группе, семасиологическому полю и лексико-семантической группе (ЛСГ). Основные сходства и различия между ТГ и вышеупомянутыми группами сводятся к следующему:

1. Тематическая группа и терминологическая группа представляют собой два типа словарных групп ономастиологического характера. Главное различие основывается на их употреблении: слова, входящие в ТГ, функционируют в общеупотребительной лексике, а термины – в специальной терминологической (Даниленко, 1977).

2. Тематическая группа отличается от семасиологического поля своей сравнительной узостью. ТГ включается в него, так как семасиологические поля состоят из слов, принадлежащих разным частям речи, объединенных на основе внеязыковых связей (Щур, 1974), а слова – входящие в ТГ, принадлежат одной части речи (Смирницкий, 1958). Но это не обязательный их признак. Состав ТГ зависит от уровня окружающей действительности или действительности прежних эпох (Шипицына, 1975, 19).

3. Наиболее трудноуловимо различие между ТГ и ЛСГ, так как «пропасти между ними нет и не может быть» (Филин, 1977, 149).

Ф.П. Филин указывает на различия между понятиями «тематическая группа» и «лексико-семантическая группа». Те объединения слов, которые основаны на классификации самих предметов и явлений, а не лексико-семантических связей, называются тематической группой.

«Различие между этими типами связей слов (ЛСГ и ТГ) определяется тем, что ЛСГ слов представляет собой продукты законов и закономерностей развития лексической семантики языка, так как ТГ слов, само их наличие или отсутствие в каком-либо языке, их состав зависит от уровня знаний того или иного народа – создателя и носителя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие словарные обозначения» (Филин, 1982, 233).

Д.Н. Шмелев так характеризует ТГ: «Отображая определенным образом те или иные «отрезки действительности», слова, естественно, связаны между собой, как взаимосвязаны отображаемые ими явления самой действительности. Благодаря этим «внеязыковым связям слова объединяются в группы, которые можно назвать тематическими» (Шмелев, 1973, 3).

Таким образом, критерий выделения групп из целого лексического состава лежит в основе различия между этими группами, в первом случае он предметный, а во втором языковой (Шмелев, 1973, 13; Щур, 1974, 43; Филин, 1977, 149), иногда оба критерия тесно переплетены. При этом обусловленность объединения лексических элементов в одну группу внеязыковым фактором отнюдь не является индивидуальной особенностью ТГ, определяющей ее отграничения от ЛСГ, семасиологического поля и терминологической группы. Как видим, отсутствие четкости и ясности в понимании вышеназванных терминов может привести к смешению словарных групп различного типа. Поэтому представляется необходимым уточнить, что выделение этнографической лексики в особую группу определено предметом и целью исследования.

Подчеркивая важность и полезность тематической разработки, В.И. Цинциус (Цинциус, 1975, 4-5) указывала, что тематическая разработка словарных материалов даже в

самом первоначальном виде (имеется ввиду составление картотек) ценна прежде всего уже тем, что дает исследователю возможность выявить, каков общий объем и какова степень детализации лексического запаса языка в той или иной области языка. Но особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что при объединении слов в ТГ удастся выявить наиболее характерные для данных семантических разрядов словообразовательные модели. Это в свою очередь облегчает и ускоряет дальнейший ход работы над словарным материалом, связанный с этимологическими изысканиями.

1.2. Из истории изучения этнографической лексики в тюркских языках

В области изучения этнографической лексики успешно работают казахские, киргизские, чувашские, татарские, алтайские ученые (Касимов, 1969; Арчынбаев, 1973; Уахатов, 1974; Исхаков, 1980; Маргулан, 1986). Как отмечает А.Т. Кайдаров, по казахской этнографии только до революции было опубликовано более одной тысячи работ самого различного характера и объема (Кайдаров, 1985).

Безусловно, в работах по этнографии нашла отражение и этнографическая лексика. Из источников второй половины XX века для изучения этнокультурной лексики казахского языка представляют интерес труды Ч.Ч. Валиханова (1984, Т.1, 4) и И. Алтынсарина (1976).

Из работ советского периода интересны статьи и монографии А.Т. Кайдарова (1973, 1985), Е.Н. Жанпеисова (1980, 1983, 1989).

В исследовании Е.Н. Жанпеисова «Этнокультурная лексика казахского языка» (1983) на материале произведений М. Ауэзова дается историко-лингвистический анализ этнокультурной лексики казахского языка. Лексику сочинений классика казахской литературы Е.Н. Жанпеисов делит на лексику, обозначающую явления духовной и материальной культуры, лексику, называющую народную метрологию и родственные и семейные отношения. Анализ построен на

широком привлечении данных тюркских языков. Изучение структуры и семантики слов с национальными этнокультурными значениями в диахронном плане, анализ материала, данного в приложении к исследованию, включающем в себя свыше 3150 терминов материальной и духовной культуры, около 650 топонимов и 150 этнонимов, показали, что многие из них для подавляющего большинства тюркских языков являются общими, что вполне оправдано исторически и свидетельствует о древних культурных контактах между их носителями.

Из работ киргизских исследователей наиболее ценным является работа К.К. Юдахина (1965), поскольку это первый фундаментальный национально-русский словарь, и по своему содержанию он носит поистине энциклопедический характер. В нем содержится богатая историко-этнографическая информация, и словарь выполняет роль источника по истории и культуре киргизского народа. Можно на примере анализа некоторых слов показать, какую роль играет «Киргизско-русский словарь» (далее КРС) в качестве этнографического источника. Например, трактовка значения слова «шири», сыромятная копченая кожа крупнорогатого скота для изготовления посуды (КРС, с.908). (Кстати, это этнографическое свидетельство прошлого на высоком художественном уровне описано в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»).

Изучая происхождение слов, Юдахин дает исчерпывающий анализ фольклорным терминам, словам, содержащим в себе информацию по различным сторонам быта и культуры народа, и в этом отношении словарь К.Юдахина остается незаменимым источником при изучении многих вопросов истории, быта и культуры не только киргизского народа, но и других тюркских народов.

Исследованию лексики тюркских языков посвящены две монографии К.М. Мусаева (1975, 1984). В них поставлены основные проблемы современной тюркской синхронной и исторической лексикологии, среди которых проблема исследования и классификация тематических, лексико-

семантических групп слов конкретных языков выделена особо.

В монографии «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» (1975) впервые в тюркологии рассматриваются лексико-семантические схождения и расхождения в лексике западнокыпчакских языков. Наряду с другими пластами лексики рассматриваются и отдельные группы этнографической лексики: названия животных, названия частей тела животных, названия растений, термины родства. Языковые явления рассматриваются в работе в тесной связи с историей народа – носителя языка и с историческими и социальными условиями его жизни (причем с полным охватом данных всех тюркских языков).

Разумеется, это в какой-то степени ограничило круг исследуемых лексических групп. Но опыт показывает, что для подобных сравнительно-ареальных исследований в качестве исходного материала можно использовать выборочно несколько любых лексико-семантических групп, отражающих хронологически разные слои лексики.

В другой монографии К.М. Мусаева «Лексикология тюркских языков» (1984) рассматриваются теоретические проблемы исторической лексикологии, такие как: проблема лексико-семантической классификации слов тюркских языков, проблемы типологического изучения лексики, проблема поля и т.д. Следует подчеркнуть, что вышеизложенные теоретические проблемы ставятся и решаются на материале лексики, в том числе и этнографической лексики тюркских языков. В частности, рассмотрены названия домашней утвари, одежды, принадлежности быта, названия животных и птиц, названия молочных продуктов, названия музыкальных инструментов и т.д..

Как уже отмечено выше, по изучению отдельных тематических групп лексики плодотворно работают татарские лингвисты. Д.Б. Рамазанова, Р.К. Рахимова, Ф.Ф. Гаффарова, Ф.С. Баязитова, Н.Б. Бурганова, Т.Х. Хайрутдинова защитили кандидатские диссертации по отдельным диалектам и говорам. Ими изучены термины родства и свойства, традицион-

ные обряды, обычаи, терминология снаряжений верхового коня, названия кулинарных изделий, земледельческая терминология, фитонимы и т.д. Определенный интерес в плане нашей темы представляют труды исследователя татарской исторической лексикологии Р.Г. Ахметьянова (1978, 1981, 1989).

В частности, в монографии Р.Г. Ахметьянова «Общая лексика материальной культуры народов среднего Поволжья» (1989) дается анализ значений и этимологическая характеристика лексических единиц, относящиеся к названиям объектов материальной культуры и общих для татарского, башкирского, чувашского, марийского и удмуртского языков. В частности, в данной книге рассматривается лексика, отражающая такие реалии жизни, как земледельческо-скотоводческое хозяйство и соответствующее общественное устройство.

В данной работе определены следующие тематические группы: небо, космос, погода; время, момент, пора, эпоха; рельеф и растительность; пчеловодство; земледелие; животноводство; лошадь и коневодство; болезни, гигиена, лечение; общественная жизнь; поселения, постройки, жилища; военная организация и вооружение; мера и оценка величин; социальные прослойки. Здесь не рассмотрены названия одежды и угвари, орудия ручного труда и т.д. Можно констатировать и то, что в ряде случаев дается новая, более убедительная этимология слов. Например, по поводу слова *кирмэн* от монг. *тулг* - *кэр*, *гэр*, *кэрт*, гэрт «юрта, дом» (Ахметьянов, 1989, 149).

Некоторые этимологические изыскания автора представляются нам спорными. Например, слово *кала* в монографии возводится к арабскому языку (Там же 133). Думается, что оно употреблялось в тюркских языках задолго до их контактов с арабами, о чем свидетельствует и указание В.В. Радлова. Не совсем ясно также, почему автор относит такие слова, как *аяз* «ясный», *кырмак* «первый снег, пороша», к лексике, обозначающей материальную культуру.

В другой монографии Р.Г. Ахметьянова «Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья» (1981) дается семантический и этимологический анализ лексики, относящейся к мифологии, фольклору, календарным и семейным обрядам, этике и эстетике, а также личных имен, общих для татарского, башкирского, чувашского, марийского и удмуртского языков.

В книге основное внимание уделяется общим для всех языков региона словам и исследованию этимологии терминов, относящихся к сфере духовной культуры и являющихся общими у народов Среднего Поволжья, не являются окончательными. В частности, не изложены здесь и не выяснены в достаточной степени многие аспекты истории и бытования общей терминологии духовной культуры народов Среднего Поволжья и Приуралья. В разделе о свадебных терминах не рассматриваются многочисленные названия свадебного режисера.

Тем не менее, данные по отдельным языкам дополняют друг друга и позволяют определить генезис и пути развития целого ряда понятий и выражений.

Сравнительному изучению двух родственных языков – татарского и чувашского – посвящена работа Р.Г. Ахметьянова «Сравнительное исследование татарского и чувашского языков» (1978).

В разделах, посвященных сравнительному изучению лексики, приведен обширный фактический материал по тематическим классам слов и терминов:

- 1.Родственных отношений и поло-возрастной классификации.

- 2.Религиозных обрядов и календаря.

- 3.Материальной культуры, скотоводства и земледелия.

В работе, на богатом фактологическом материале, доказывается исконность земледельческой терминологии татарского языка, что свидетельствует, по мнению автора, о большой роли кыпчакского элемента в формировании земледельческой культуры Урало-Поволжья.

Обзор литературы по исследуемой теме показывает, что к настоящему времени проделана определенная работа по изучению этнографической лексики и получены некоторые результаты.

Особенно удачным является изучение этнографической лексики по микротематическим группам. Например, изучению названий животных в тюркских языках посвящены труды видных тюркологов. Так, А.М. Щербак подробно исследовал семантическую структуру наименований животных с учетом соотношения слов, обозначающих вид животного, возрастной группы, а также охарактеризовал их фонетические, морфологические и семантические различия в современных тюркских языках. (см.: Щербак, 1961, 81-172).

Названия одежды и ее частей исследованы узбекским ученым М. Асамутдиновой (см.: Асамутдинова, 1970, 223). Ею очень подробно рассмотрена этимология некоторых слов, имеющих такие же параллели в других тюркских языках.

Некоторые микротематические группы этнографической лексики изучены как отдельные термины. Например, термины питания на материале казахского языка (Жилкубаева, 1991), термины зерновых культур и зернового хозяйства узбекского языка (Курбанов, 1975).

В работе М.А. Юсуповой (1988) анализируются в лингвистическом плане киргизские народные термины материальной культуры, связанные конкретно с ворсовым и безворсовым ткачеством и войлочными орнаментированными изделиями, с учетом исторических и этнографических аспектов избранной темы.

На основе собранных материалов показано богатство лексики, обусловленное развитостью и широким бытованием у киргизов данной сферы материальной культуры с древнейших времен в силу кочевого образа жизни и всего хозяйственно-бытового уклада народа. Проведен структурно-морфемный анализ терминов и определены наиболее широкоупотребительные приемы и средства их образования.

Подвергнуты морфемному анализу исконно киргизские лексемы на основе сравнительного анализа и определена сте-

пень участия круга грамматических средств, а также других приемов словотворчества в их образовании. Сделана попытка определить место названных профессионализмов в лексике литературного языка. В работе рассмотрены вопросы формирования названных терминов, разнообразных по своему содержанию, составу и происхождению.

Термины родства с точки зрения лингвистики монографически изучены в туркменском, азербайджанском, узбекском и уйгурском языках (Кулиев, 1969; Джафаров, 1971 и т.д.).

В работе Л.А. Покровской (1961) данная лексико-семантическая группа изучена в общетюркологическом плане. Она выявила и детально охарактеризовала термины родства, являющиеся общими для всех или большинства тюркских языков. Все рассмотренные автором термины разделены на 2 группы, согласно существующей традиции: термины родства по крови и термины родства по браку.

1.3. Изучение этнографической лексики карачаево-балкарского языка

1.3.1. Краткие историко-лингвистические сведения о карачаево-балкарском языке и его диалектах

Карачаево-балкарский язык, как и любой из языков, явление историческое. Он обособился как самостоятельный язык с присущим ему оригинальными и глубоко самобытными чертами на определенной стадии развития тюркских народов. Следовательно, история современного карачаево-балкарского языка начинается со времени образования карачаево-балкарской народности. Доступный компаративистике его архаичный диахронический уровень находится в глубинах истории за тем условным срезом, который принято называть протюркским состоянием. Соответственно и история одного из важнейших этнических компонентов карачаево-балкарского народа в конечном итоге восходит к прототюркам. Однако это ни в коей мере не означает, что карачаево-

балкарцы имеют своим предком только прототюрков; на своем тернистом историческом пути карачаевцы и балкарцыполнили свой генетический пласт многими неизвестными и известными племенами. Поэтому задача историков-этнологов и лингвистов-компаративистов заключается в выявлении тех исторических и языковых компонентов, которые исторически вошли в состав изучаемого этноса или языка для того, чтобы восстановить реальные исторические события и этнолингвистические процессы (Улаков, 2001).

В процессе сложения карачаево-балкарского языка одним из основных компонентов был кумано-кыпчакский язык золотоордынской эпохи – общий предок кумыкского, караимского и северного варианта крымско-татарского языков. Распад кумано-кыпчакского на четыре близкородственных языка произошел в конце золотоордынской эпохи и непосредственно связан с упадком Золотой Орды в ходе военных походов Тимура в конце XVI века.

В языке нынешних карачаевцев и балкарцев прослеживается довольно значительный пласт субстратной и заимствованной лексики аланского (или осетинского), а также кавказского (адыгского, сванского и др.) происхождения. По всей вероятности, численность ираноязычного аланского населения в горах, принявших участие в этнолингвогенезе карачаевцев и балкарцев увеличивалась также за счет дополнительного притока алан, бежавших в эти же районы из степных предгорий во время похода Темирлана и в последующие годы.

Определенный отпечаток на процесс этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев наложили также контакты и взаимовлияние с соседними кавказскими народами на протяжении позднего средневековья и в последующие периоды.

Все эти сложнейшие процессы, связанные с происхождением и окончательным формированием современных карачаевцев, балкарцев, кумыков, крымских татар, караимов нашли отражение в особенностях их языка, антропологического типа, материальной и духовной культуры тюркоязычных народов кумано-кыпчакской группы. Несмотря на мно-

говековые и многократные наслоения и смещения, современный карачаево-балкарский язык является прямым потомком кумано-кыпчакского (половецкого) языка (Улаков, 2001).

Версия о генетическом родстве некоторых тюркоязычных народов Северного Кавказа с половцами возникла и появилась в научной литературе в начале XIX века. Так, в специальной инструкции, выданной Академией наук немецкому исследователю Г.Ю. Клапроту (1783-1835), перед его поездкой на Кавказ для изучения языка и этнографии адыгов, абазин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, грузин и др. в 1807-1808 годах, находим такую запись: «К наиболее старинным жителям гор относятся карачаевцы, балкарцы и чеченцы..., возможно..., что это остатки половцев» (Клапрот, 1967, с.106-107).

Карачаево-балкарский язык относится к кыпчако-половецкой ветви тюркской группы языков, входящей в алтайскую языковую семью. Наибольшее родство карачаево-балкарский язык обнаруживает с кумыкским, крымскотатарским, караимскими языками; имеет ряд общих черт с восточными тюркскими языками (башкирским, казахским, киргизским и др.).

В карачаево-балкарском языке есть следы взаимодействия с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, финноугорскими и иранскими языками, за последнее тысячелетие в нем появились арабские, русские заимствования.

Карачаево-балкарский язык, как известно, включает в себя два диалекта:

1. Основной диалект (легший в основу литературного языка как целого) с карачаевским и баксано-чегемским говорами составившими основу двух вариантов литературного языка как частных систем в рамках макросистемы;

2. Цокающий диалект и переходный хуламо-безенгийский говор, характеризующийся совмещением признаков основного и верхне малкарского диалектов (Акбаев, 1963).

Вышеизложенные особенности в формировании, развитии карачаево-балкарского этноса, его языка и культуры не

могли не влиять на формирование этнографической лексики карачаево-балкарского языка.

1.3.2. История собирания и изучения этнографической лексики карачаево-балкарского языка

Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка находится на стадии сбора и начального изучения. Практически нет ни словарей, ни монографий по этнографической лексике. Имеются лишь статьи, посвященные исследованию той или иной тематической группы данной лексики. Между тем, следует отметить, что наиболее ранние сведения о народном жилище, одежде, характере оружия, о культовых постройках можно обнаружить еще в трудах ученых и путешественников XVII-XVIII веков Я.Я.Стрейса (Стрейс, 1936), П.С.Палласа (Паллас, 1786-1809) и Гюльденштедта (Güldenstädt, 1787). Большую ценность представляют их рисунки, воссоздающие внешний облик горцев Кавказа, их одежду, вооружение. Однако господство в науке того времени евроцентрических воззрений значительно снижает ценность работ даже наиболее серьезных и объективных из исследователей. Народы рассматривались ими с точки зрения экзотичности культуры, хотя и привлекающей красочностью своих форм, но в целом отсталой и примитивной.

Большой интерес представляют сведения по этнографии карачаевцев и балкарцев, собранные на рубеже XIX-XX веков Г. Мерцбахером «Высокогорные регионы Кавказа: Путешествия, приключения, наблюдения» (Мерцбахер, 1901). Конец XIX века был отмечен повышенным интересом и к древностям края. В 1900 году была издана фундаментальная работа М.С. Уваровой «Могильники Северного Кавказа», которая до сих пор сохраняет значительную ценность.

Большие заслуги в деле сбора и изучения памятников материальной культуры карачаевцев и балкарцев принадлежат этнографу Е.Н. Студенецкой. Начав свою научную собирательскую деятельность еще в довоенные годы, она по мно-

гим областям материальной культуры этого края явилась своего рода первопроходцем. Она одной из первых обратилась к изучению ремесел карачаевцев и балкарцев, описанию технологии изготовления и особенностей употребления ряда предметов декоративно-прикладного искусства как органической части национального быта.

Обстоятельная статья Е.Н. Студенецкой посвящена, например, узорным войлокам карачаевцев и балкарцев; в ней показаны во взаимодействии и технология их изготовления, и орнаментика (Студенецкая, 1976). Работы Е.Н. Студенецкой отличает глубокий историко-этнографический подход к источнику исследования.

Интересные исследования в области материальной культуры Кабардино-Балкарии проводились Г.Х. Мамбетовым (Мамбетов, 1963, 1974). В ряде своих работ указанный автор дает исчерпывающие сведения по экономике и организации производства отдельных ремесел кабардинского и балкарского народов, о связях их с бытом. В этом он как бы продолжает линию исследований, намеченную еще О. В. Марграфом и А.С. Пираловым.

Подробный лингвистический анализ ряда карачаево-балкарских терминов родства дан в монографии Х.-М.И. Хаджилаева (Хаджилаев, 1970). Некоторые карачаево-балкарские термины родства рассмотрены в работах исследователей (Мусаев, 1975, Хабичев, 1980, Отаров, 1978).

Большой интерес представляет народная терминология кулинарии, так как пища по сравнению с жилищем и одеждой, весьма устойчива.

В пище балкарцев и карачаевцев много общего с пищей соседних народов: кабардинцев, черкесов, осетин, чеченцев, ингушей, кумыков и др. Это объясняется не только тесными экономическими и культурными связями, но и общими природными условиями, характером хозяйственной деятельности этих народов.

О названиях пищи в карачаево-балкарском языке, свои выводы изложил И.М. Отаров (1978). В данной работе также рассматриваются наименования предметов посуды и кухон-

ной утвари. И.М. Отаров, анализируя лексику, связанную с пищей, подчеркивает, что большинство названий этой тематической группы являются карачаево-балкаро-тюркскими словами. Однако, наряду с этим, в терминологии пищи широко распространено заимствование. Здесь имеются слова арабского, персидского, кабардино-черкесского, осетинского и русского языков. Имеют место и заимствования из языков народов Средней Азии.

1.3.3. Источники изучения этнографической лексики

Одним из источников для углубленного изучения истории тюркских языков на основе лексики является трехтомный словарь «Девону лугат ит турк» Махмуда Кашгари (XI в.) (далее по тексту МК (М.Кашгари, 1960).

В словаре наряду с другим языковым материалом имеется большое количество этнографической лексики. Например, BASMAQ – туфля, башмак (МК 190₁₁), СӨМСÄ – ковш, черпак (МК 210⁹), ЧӨРӘК – чурек, лепешка (МК 195₁₅), МОНСИҚ – бусы, ожерелье (МК 11₁₂₃).

Многие слова – наименования различных реалий быта, приводимые в словаре Махмуда Кашгари, продолжают существовать и в современных тюркских языках почти в неизменном виде. Например, слова, относящиеся к скотоводству:

МК – *йылкы*, карач.-балк. – *жылкы*, кирг.- *жылкы*, баш. – *йылкы*, каз.- *жылкы* «табун»;

Много слов сохранилось из других лексико-семантических групп, в частности, из названий продуктов питания, предметов домашнего обихода, из терминов земледелия и т.д.

Безусловно, как и в любом словаре, у М.Кашгари не вся этнографическая лексика тюркских народов нашла отражение.

Естественно, ни один письменный памятник, даже такой крупнейший труд, как словарь М.Кашгари, не в состоянии зафиксировать все словарное богатство языка и диалектов своей эпохи.

Этнографическая лексика довольно богато представлена в словаре В.В. Радлова (1895-1911).

В I томе словаря В.В. Радлова приводятся слова на гласные, среди которых есть этнографизмы карачаево-балкарского языка: *ашлау* «корыто», *ајак* «чашка», *айран* «напиток, приготовленный из кислого коровьего молока», и т.д.

Во II-IV томах также имеются ряд этнографизмов, которые известны носителям карачаево-балкарского языка: *къазы* (II 372) «колбаса из конины», *къалпакъ* (II 268) «род шапок», *къурмач* (II 695) «кукурузные хлопья», *биялмукъ* (IV 1712) «мучная похлебка», *сюзме* (IV 602) «творог», *сюзгюч* «мелкое сито», *биязлик* «браслет» и т.д.

Лексика тюркских языков и диалектов, зафиксированная в письменных памятниках VII-XIII веков, представлена в Древнетюркском словаре (1969) (далее по тексту ДТС). ДТС является переводно-толковым словарем. Значения этнографических лексем в нем толкуются словами современного русского языка. Некоторые объяснения содержат элементы энциклопедического толкования. Этнонимы и слова, свойственные этнической специфике помечены условным сокращением «этно». Из зафиксированных слов с пометой в лексике карачаево-балкарского языка встречаются: AJAQ – чаша, чашка; ĞARIQ – *чарыки* (род обуви); BILIAP – название одного из тюркских племен (МК 130); SOMCA – ковш, черпак, половник (*чёмюч*) (МК 210); CORAK – чурек, лепешка (МК 195); MONCAQ – ожерелье, бусы; MONĞIQ – 1. Бусы, ожерелье (МК 123), 2. талисман, амулет (МК 121); OQ – стрела; QAP – сосуд, бурдюк, мешок; QAZI – брюшной конский жир и кушанье из него (МК 223); QIMIZ – кумыс; QOBIZ – музыкальный инструмент; SIN – могила.

В словаре Э.В. Севортыяна, в первом в истории востоковедения труде, в котором на материале всех современных тюркских языков и их диалектов и памятников рассматривается происхождение обще- и межтюркских основ слов (Севортыян, 1974-1989), этнографическая лексика отдельно не выделена. Это связано с тем, что словарь Э.В. Севортыяна яв-

ляется не только этимологическим, но и семантическим, сравнительно корневым, что позволяет имеющиеся этнографизмы рассматривать более широко и многосторонне. В частности, этнографизм *йурмэ* (*жёрме*) рассматривается с точки зрения этимологии, языкового распространения, семантики и т.д.

В I раздел включены все известные в современных языках, а также памятниках фонетические разновидности основ.

I. *Йе: рме* турк., *йорме* – кум., ног.; *йурмэ* – баш; *йорме* – кар.г., *жврме* – кбал; *йурме* – кир.; *чврме* – тув.; *сурме* – чув.. У слова *йурмэ* имеются и омонимы:

II. *Жвргвм* – кир.; *жвргем* – каз.; *д'вргвм* – алт.;

III. *Йоргэмэч* ДТС 276. Судя по долготе первого слова в гурк, диал. в форме и наличию срединного е между сонорными в тувинском, допускается, что исходной формой в рубрике была **йореме*.

Во II разделе приводится семантика основ в различных тюркских языках, чтобы можно было в обзорном виде составить себе представление о направлениях семантического развития и обогащения научно установленных значений. В частности, слово *йурмэ* (*жёрме*) имеет следующую семантику:

I.1. Вид бараньей колбасы – во всех источниках, кроме кир./ кушанье, приготовленное из кишок, фаршированных рубленным мясом, луком и перцем – турк.диал.; ливерная колбаса домашнего приготовления – ног., чув; *юрма* – род мясного кушанья, изготовленного из внутреннего сала барана, брюшины и тонких кишок – баш.; кушанье из легких животного – кар.г.; колбаса из кишок – кбал.; кушанье в виде колбасы – жгута, приготовляемое из кишок, брюшины и мяса – тув..

I.2. Толстые, покрытые жиром кишки коровы или быка, вывернутые жиром внутрь – кир.;

II.1. Кушанье из легких и желудка, разрезанных полосками и переплетенными кишками – кир.; свитая кишка, мелкого битого скота – каз.; кишки, начиненные кусочками баранины и сала – алт.;

II.2. Свитая пряжа – каз;

III. Разновидность колбасы, приготовленной из мелких кусков требухи – ДТС.

Дальше идет собственно этимологическая разработка:

йӧргӧ – и *йӧргемеч* – производные с аффиксами –*м* и –*меч* от глагола *йӧргӧ* – «завёртывать, свёртывать» *йе*: *рме* можно интерпретировать как имя с афф.-*ме* от того же *йӧрге* – или *йӧре-/ йӧ*: *р* – «плести, обвивать». Реальность *йӧр* – как будто подтверждается як.*сӧруе* < *йӧруг* «циновка, половик, коврик, сплетенный из конского волоса. Значение «плести, вить» – прослеживается и в тат. диал. *журмэ* «плеть, плетка», < *журмэ камчы*, ср.кум. *йӧрме* «нагайка», но кир. *ӧрме* «камчы, плетённая нагайка».

Возможно, имело место смешение близких по семантике глагольных основ *ӧ*: *р* «плести» и *йӧр*-.

Нельзя полностью исключить и возможность диалектной дифференциации когда-то единой основы *ӧ*: *р* – /*о*: *р* /*йӧр*/–*ӧр* (Севортян, 1989, 235-236).

Приведенные примеры показывают, что исследование этнографической лексики приводится путем выяснения исходного морфо-семантического состава и строения основы, ее форм и значений этимологизации.

Этнографические термины нашли отражение и в словарях карачаево-балкарского языка. В «Карачаево-балкарско-русском словаре» (1989), являющемся не только справочником по переводу с карачаево-балкарского на русский язык, но так же и наиболее полным собранием общего лексического богатства карачаево-балкарского языка XX века, с соответствующей пометой внесено определенное количество слов, относящихся к этнографической лексике.

Нашли отражение следующие слова: *абыстол* (*ай*) «ноябрь» /16/; *агъач киши* «леший, покровитель лесов» /20/; *адет* «адат, обычное право, нормы обычного права» /23/; *алтымюйюш арбаз* «шестиугольный двор» /55/; *алымчы* «алымчи (казначей и распорядитель на свадебных ганцах, собиратель выкупов)» /56/; *аналыкъ* (3) «свадебный подарок матери (от жениха или невесты)» /64/; *асми таш* «камушек

амулет (носят на шее, якобы для предохранения от скарлатины)» /81/; *ат жашырыу* «обычай произнесения имени (невестка не называет по имени мужа и родственников старше мужа по возрасту)» /85/; *аталык* «свадебный подарок отцу жениха от невесты» /87/; *кьол таи атаргъа* «толкать камень (при состязании мужчин)» /87/; *ал атлам* «торжества по случаю первого шага ребенка» /88/; *атланган аяк* «прощальный тост перед дорогой; посошок» /89/; *ау// (ау жаулык)* «платок, покрывало, которым покрывают невесту (когда вводят ее в комнату родителей мужа)» /91/; *ашлау (арх.)* «поднос (в форме корытца, на нем в старину подавали мясо, еду)» /104/; *аяк* (2) «деревянная подставка для низкорослых (знатных) девушек» /107/; *аяксытыу* (карач.) «сглаз» /108/; *базук тартыргъа* «состязаться в разламывании кости предплечья барана» /112/; *байчы* (карач.) «байчы (дух приносящий счастье, богатство)»; *аягъын балгъа сугъаргъа* «опустить ножку (новорожденного или невесты) в мед (на счастье)»; *бал аяк* «чаша с медом (или с другим специальным напитком, которая преподносится старейшим во время церемонии бракосочетания)» /115/; *белги 5* «подарок девушки парню (в знак согласия стать его женой)» /132/; *кююш белибау* «серебряный пояс (обязательный в традиционном мужском наряде)»; *алтын белибау* «золотой пояс (пояс с позолоченными бляхами)» /133/; *берне* «приданое (подарки невесты членам семьи жениха)» /136/; *бернесиз* «без приданого, без подарков» /136/; *бет ачаргъа* «о молодой женщине: перестать избегать родственников мужа, свободно с ними говорить, общаться» /136/; *сабийни бешикге салыргъа* «торжества по поводу первого пеленания ребенка» /138/; *окъа бёрк* «девичья шапочка, расшитая галуном» /139/; *бёрк алыу* «после свадьбы, во время первого прихода зятя в дом родителей невесты кто-либо из молодых родственников невесты может сорвать шапку с головы жениха, за что дружки жениха должны дать выкуп» /139/; *кьоз бёрк* «игра во время торжеств по поводу рождения ребенка: шапка с грецкими орехами и сувенирами для девушек подвешивается на высокий столб, парни смельчаки должны ее достать, поднявшись по ремню, смазанному жи-

ром» /139/; *бёрю аууз байларгъа* «заговаривать волка, чтоб не задрал заблудшую скотину» /140/; *юйюр бийче* «глава женской половины дома при семейной общине» /141/; *бийче тюркюрюк* «а) слюна княгини; б)золотуха, рожка (в старину лечили золотуху, рожу слюной женщины из княжеской фамилии)» /141/; *билек агъач* «а)деталь очага, б)деталь ткацкого станка» /142/; *боза аякъ* «чаша с бузой (которую поднимает старейший, благославляя новобрачных)» /154/; *болуш I* «пробывание (обычай пребывания жениха в доме своего близкого друга в первые дни после женитьбы во избежание встречи со старшими)» /158/; *болуш юй* «дом, в котором находится жених в первые дни после женитьбы; после свадьбы хозяева этого дома становились близкими родственниками жениху и невесте»; *болуш ана* «хозяйка [этого] дома (которая становится названной матерью жениха)»; *болуш ата* «хозяин [этого] дома (который становится названным отцом жениха)»; *болуш жаш* «сын [этого] дома (после свадьбы жених становится названным сыном для той семьи, в которой он находился во время свадьбы)» /158/; *гинджилик /2/* «принадлежности для кукол, которые девушка, выходя замуж, готовит для одаривания детей родственников жениха» /186/ *гыбышы къабыр* «могила незаконнорожденного (незаконнорожденного хоронили не на общем кладбище, а в стороне)» /192/; *гыпы урлау* «похищение грибка (обычай – табу, по которому нельзя передавать зёрна грибка другому хозяину, чтобы не рассердить злого духа; соседи похищали зёрна друг у друга, тем самым обманывая злого духа)» /193/; *гыржын агъач* «приспособление для подсушивания лепешек перед допеканием в золе» /194/; *гютте* (карач.) «коляда (обряд прославления праздника, за что селяне одаривают пришедших подарками)» /195/; *кюл гюттю* «калач (надевался на рога вола во время пахоты, а также на рога быка или барана во время случки)»; *тузлу гюттю* «маленькая лепешка с запеченной внутри солью (использовалась на вечеринках молодежи; съевшей или съевшему ее снился суженый или суженая)» /195/; *дорбасын* «праца» /207/; *дыммыл /2/* «хлебец (печется после высыпания у больного ветряной оспы)» /212/; *мюйюш жабыу* «зана-

неска (в углу комнаты, за которой стояла невеста во время свадьбы)» /214/; *джанкылычны юсю бла секирген жаш кыз болады, кыз а жаш болады* (карач.) «если парень (или девушка) перепрыгнет через радугу, то парень превращается в девушку, а девушка в парня» /226/; *жангыз терек* «дерево на берегу реки Хурзук (которому в период язычества и даже после принятия мусульманства поклонялись карачаевцы. Срублено в 30-х годах XX-го в.)» /227/; *тобукъ жастыкъ* «подушечка из детского приданого на колени ребенка для того, чтобы у него не сгибались ножки, когда его привязывают к колыбели» /235/; *ау жаулукъ* «шаль новобрачной (ею покрывают невесту перед тем, как ввести в комнату родителей мужа)» /236/; *ич жаулукъ* «нижний платок замужней женщины (он темного цвета, надевается обычно под большой платок)» /236/; *а жаш* «обращения невестки к старшему брату мужа, имя которого она не должна произносить» /237/; *жашчыкъ 2*) «обращение невестки к младшему брату мужа» /238/; *жау житге ёрлеу* «лазание по промасленному ремню (игра молодых парней на семейных торжествах)» /247/; *таш тасды демейди, жиби кьолунда чыгдады* «гадание [камни не говорят, что пропало, выходит, что разгадка (пропажи) в его руках]» /247/; *жууумчу* «одежда умершего (которую раздают бедным)» /262/; *жыигъыч* «широкая полка вдоль задней стены дома для складывания постелей» /263/; *жыйын 1*) «свита (посылаемая в дом жениха на второй день после увоза невесты для выполнения обряда – снятия девичьей шали невесты перед родителями жениха)» /264/; *жыйын 2*) «группа, артель (для совместного производства работ)» *жыйынчы 1*) «участник свадебной свиты; 2)член артели (группы)» /264/; *жыл тергеу* (или *кьайтарыу*) «а) времяисчисление, летосчисление; б) летосчисление по двенадцатилетнему животному циклу» /265/; *жшыау* «плач по умершему» /266/; *бюртюк жырна* «кушанье из отваренных зерен» /269/; *ал ёгюзле* «передняя пара волов (в упряжке из трех пар волов для пахоты; первыми запрягали старых волов, чтобы не портить борозду)»; *саз* (или *сазлагъан*) *ёгюзле* «средняя пара волов (в середину запрягали молодняк для обучения)»; *чыбыкъ ёгюзле*

«задняя пара волов (последними запрягали сильных волов)»; *гебенчи ёгюзле* «волы, на которых свозили копны для стога» /274/; *таякъ тюбюнден ётерге* «дать клятву, проходя под палкой» /281/; *зыккыл теке* «шут, ряженный» /292/; *илиуаши* «связка очищенных от ветвей деревьев, которую пускают по снегу вниз с горы» /301/; *ат шкич* «коновязь (раньше коновязи с тамгой владельца можно было видеть вблизи мечетей или кладбищ)» /301/; *итлик кёлек* «первая рубашка младенца» /307/; *иш къояргъа* «оставить работу (говорится при исполнении игрового обычая: когда к группе людей, занятых каким-либо делом – преимущественно хозяйственным – подходит кто-либо со стороны, то занятые люди на время прекращают работу и произносят эту фразу. Пришедший должен пообещать, что в знак благодарности за труд он преподнесет работающим подарок, после этого работа возобновляется)»; *иш тауусургъа* «завершить дело (говорится о заключении договора между сторонами жениха и невесты о свадьбе, о ее сроке и т.п.)» /309/; *келини юйге кийирирге* «ввести невесту в дом (на второй или третий день свадьбы вводят новобрачную в дом родителей жениха, чему посвящается специальный обряд)» /319/; *кетис* «серебряные застёжки-пластины на рукавах девичьего платья; драгоценные подвески на серьгах, на поясе и т.п.» /325/; *кёлтюргенлик берне* «берне (подарки) по случаю рождения ребенка (по обычаю невестка, родившая ребенка, одаривала родственников мужа ценными подарками)» /340/; *кёрюмдюк* (карач.) *кёргюнчлюк* «подарок за смотрины (в честь того, что впервые увидел молодую невестку или новорожденного)» /343/; *кёрюнюрге 5* «показываться, знакомиться»; *киеу кёрюне барады* «зять идет знакомиться (с родственниками жены в ее дом, где устраивается торжество)» /343/; *юйге киргенлик* «подарок в честь первого вхождения в дом; обычно между родителями молодых»; *юйге киргенлик* «подарок невесте, который делается близким родственником жениха при первом знакомстве в доме жениха» /348/; *къыз къюбюрчек* «сундучок или чемоданчик с принадлежностями для рукоделия, парфюмерией и т.п. для личного пользования невесты или для одаривания детей в дни свадьбы» /361/; *кю-*

пурчек оюн «игра в фантики»; *кюз ай* «название осеннего месяца в карачаево-балкарском народном календаре - сентябрь»; *кюзю арт айы* «название осеннего месяца в карачаево-балкарском народном календаре - октябрь» /361/; *кюмюш кямар* «серебряный женский пояс (из прямоугольных серебряных пластинок, соединенных шарнирами с фигурной пряжкой)» /363/; *кямар* «кямар (женский пояс из серебра, отделанный чернью или филигранью)»; *кямар – тшюме* «женские украшения (принадлежности национального женского костюма)» /368/; *кябын 3* «фант, штраф, наказание, взыскание (за нарушение напр. правил игры)» /370/; *таз кягъаргъа* «бить в таз (чтобы разбудить на Луне сторожевых собак, когда чудовище начинает проглатывать Луну, т.е. когда начинается затмение)» /372/; *Къарачайны къадау ташы* «камень на подступах к Карачаю у слияния рек Кубани и Худеса (почитался как священный)» /373/; *Къарачайны къадау ташын Къарча салгъанды* «камень у порога Карачая установил основатель Карачая – Карча» /373/; *кьочхар кьошхан къалач* «обрядовый калач (пекли весной, к началу случки баранов и овец, чтобы приплод был многочисленный)» /382/; *къалым* «калым, выкуп за невесту»/384/; *къач ай* «название осеннего месяца в карачаево-балкарском народном календаре ноябрь»; *къач къапчыкъ* «доля каждого от остатка заготовленных продуктов после осенних работ на пастбище» /404/; *кюй къач* подарки в день свадьбы (*от родителей невесты родителям жениха в честь их дома, очага*)» /404/; *кьоз бёрк* или *кьоз бёркге ёрлеу* «на торжествах при рождении ребенка или на свадьбе высоко подвешиваются бумажная шапка с лакомствами, подарками и промасленный ремень по которому лезут парни и достают шапку. Кто достал, тот и хозяин – раздает девушкам подарки» /407/; *кьол таш* «метание камня (игра для юношей)» /410/; *кьочхар мюйюз* «узор ковра в виде бараньего рога» /416/; *кьурман мал* «жертвенное животное» /424/; *кьурманлыкъ* «жертвоприношение (в религиозный праздник курман, а также в честь какого-либо события)» /425/; *кьюуукъ минчакъ* «бусина, которую пришивают к одеяльцу люльки, которая якобы облегчает мочеиспускание ре-

бенка» /431/; *кьюууш* «припечек, завалинка (сидение у очага)» /432/; *Шабайды кызы* «обращение «дочь Шабайды!» (так по отчеству обращался муж к жене «скрывающая» ее имя)» /435/; *кыйма* «кыйма (колбаса из мелко рубленного мяса, заправленного специями и залитого в кишки животного)» /439/; *кыркъар* «название летнего месяца в карачаево-балкарском народном календаре: *кыркъар ай* «август» /446/; *кыркъаууз* «название осеннего месяца в карачаево-балкарском народном календаре: *кыркъаууз ай* «сентябрь» /446/; *кытчас* «петля (деревянная, на конце хозяйственного ремня, которым привязывают груз, например сено, к повозке)» /449/; *малкъарлы 2*) «житель ущелья реки Черек, представитель цокающего диалекта карачаево-балкарского языка» /458/; *мет* (балк.) «украшение ромбовидной формы из серебра или кожи с галуном (обычно на воротах бурки)» /465/; *мухур хакъ* «плата аксакалу (персонажу народного театра) за печать на мнимом документе, дающем право идти (ехать) мимо [его] группы косарей» /474/; *кьюуукъ минчакъ* «бусина (обычно янтарная, пришивалась к одеяльцу люльки, якобы для облегчения мочеиспускания ребенка)» /476/; *науруз* «науруз (одна из четырех фратрий в старом Карачае)» /482/; *кыыз нёгерле* «лица, стоящие при невестке в первые дни замужества»; *кыеу нёгер* «муж сестры жениха, стоящий при женихе в первые дни замужества»; *кыеу нёгерле* «верховые участвующие в перевозе невесты в дом жениха» /484/; *окъа бёрк* «женская шапочка, украшенная золотистым галуном» /494/; *ол 3*) «он (так жена называет мужа на людях, избегая называть его по имени)» /495/; *орайда* «народная песня, которая исполняется на свадьбе при провожании невесты в комнату родителей жениха» /500/; *отоу* «комната для новобрачных (в доме жениха)»; *отоу керек* «принадлежности для комнаты новобрачных» /506/; *сабийни бешикге салыргъа* «устраивать торжество по случаю рождения ребенка»; *бешикге салыу* «первое пеленание ребенка (торжества по поводу рождения ребенка)» /537/; *сёлешдиргенлик* «подарки невестке от родственников мужа в честь произнесенного ею первого слова в их присутствии»; *келинни сёлешдиррге* «просить невестку за-

говорить (молодая невестка по обычаю первое время избегает разговаривать со старшими родственниками мужа; родственник, желающий с ней говорить, должен одарить ее подарком)» /557/; *сый 5*) «сый (подарки в виде продуктов, вещей, скота, которые посылает дом жениха в дом невесты после свадьбы)» /580/; *сыйлы сюек* «почетная доля (при подаче на стол мяса – *курманлык* кости распределяются согласно возрасту, старшинству гостей)» /581/; баш тапка «главная полка (на задней, глухой стене комнаты, куда ставили красивую утварь)» /604/; *окъ тасмасы* «вознаграждение за меткий выстрел (букв. за меткую пулю) (голова со шкурой или лучшая доля мяса отдавались тому охотнику, чья пуля сразила зверя)» /608/; *тауке* «*тауке* (слуга акакала в народной театрализованной игре)» /610/; *тахта 2*) боковая ниша на дне могилы (для покойника)» /612/; *къабыр таш* «надмогильный камень (кладется в изголовье или у изножья могилы)»; *къол таш* «игра – состязание для юношей в толкании камня»; *туз таш* «камень на котором давали соль скоту» /612/; *таш II* «гадание, ворожба (на 41 камешке)» /613/; *таякъдан* (или *таякъ тюбюнден*) *ётюу* «обряд братания (прохождение под палкой, которую держали двое из старейшин рода)»; *таякъ къарындаш* «брат, побратим, прошедший под палкой)»; *таякъ тюбюнден тизилрге* «пройти под палкой (обрядовая клятва у карачаевцев)» /614/; *тёгерек 3*) «*тегерек* (круговой ганец, часть танца абезек, когда танцующие берутся за руки и становятся в круг)» /627/; *тёр 1*) «почетная сторона жилого помещения (дальше от двери, за очагом)» /629/; *талкъы тил* «подвижная деталь кожемялки»; *тил ачдырыу* «освобождение языка (ритуальное разрешение невестке разговаривать со старшими родственниками мужа)»; *тил тутаргъа* «не разговаривать (невестка не разговаривает в знак уважения со старшими родственниками мужа до определенного обряда)»; *тил тутуу* «молчание (запрет невестке разговаривать со старшими родственниками мужа до их ритуального разрешения)» /634/; *тобукъ урургъа* «припадать на колени (в мужском танце)» /639/; *тогъузла* «старинный пояс» /640/; *ыстым той* «игры, веселье по вечерам у роженицы в течение недели,

чтобы ведьма не удавила новорожденного» /641/; *токъал I* «первая жена по отношению к последующим» /641/; *толтама 1*) «*толтама* (глина с соломой, которой мазали крышу дома, а затем засыпали толстым слоем земли)» /643/; *киеу томурау* «чурбак, который должен расколоть молодой зять при первом посещении дома родителей жены» /644/; *тотайла* (карач.) «женщины (в народном театре)»; *тотем* «тотем (предмет культа)»; *тотур* «названия весенних месяцев в караево-балкарском народном календаре»; *тотурну ал айы* «март»; *тотурну экинчи айы* «апрель» /646/; *трам II 1*) *трам* (одна из четырех родовых веток в дореволюционном Карачае)» /648/; *тузлу гюттю* «игра парней и девушек» /650/; *туууз* (балк.) «вид травы, которую клали в горскую обувь в качестве стельки» /657/; *тыбыл* «слой шерсти, положенный для валяния кошмы, а также шерсть, завернутая в циновку для валяния» /658/; *тыммыл 1*) «пирожок из тонко раскатанного теста, который пекут на смазанной маслом сковороде и дают ребенку при ветрянке или на третий день после прививки оспы, чтоб она быстро и бесследно прошла» /660/; *тырхык* «завалинка (вдоль стены снаружи и внутри дома, где могли сидеть, ставить ведра, котлы и т.п.)» /663/; *тюп-баиш* «приданое; постель (в качестве приданого)» /666/; *тюз тепсеу* «танец, при котором партнеры становятся лицом друг к другу и делают шаги то вперед, то назад» /668/; *тююлмек тешиу* «развязывание узлов (над роженицей, что якобы облегчает роды)» /670/; *къара тюлкю* «талисман, оберегающий богатство и достаток» /672/; *Чоппа улакъ* «козленок Чоппа (козленок, которого приносили в жертву языческому божеству Чоппа)» /680/; *ол жашины (къызны) уллусу* барды «у этого парня есть неженатый старший брат; у этой девушки есть незамужняя старшая сестра» /681/; *фадауан* (балк.) «солома, повторно подкладываемая в горскую обувь» /694/; *хапчюк 3*) «приданое (вещи для личного пользования – обычно постель, ковры, посуда и др., которые даются родителями вышедшей замуж дочери)»; *къаты хапчюк* «(букв. твердое приданое) как часть приданого – мебель, посуда»; *хапчюгюн берирге* «дать приданое»; *хапчюгюн келтирирге* «привезти приданое

(в дом жениха)» /706/; харам этерге б) «отречься, отказаться (от проявивших непослушание дочери, сына и других родственников)» /707/; *хычауман* «название весеннего месяца в карачаево-балкарском народном календаре»; *хычауман хычинле* «пироги, которые пекли в честь окончания весенних работ»; *кьочхар хычин* «пирог с начинкой из мяса и сыра, который пекли во время случки овец; если пирог получался пышным, то приплод обещал быть хорошим» /717/; *чалгы тутхан* (или *чалгъан*) *жаш* б) «совершеннолетний парень (в дореволюционном Карачае, если юноша вместе со взрослыми принял участие в сенокосе, то с этого момента он считался взрослым)»; *жарым чалгычы* «косарь – подросток (букв. полкосаря)»; *толу чалгычы* «взрослый – косарь (букв. полный косарь)»; *бир чалгычы мал* «скот на одного косаря (т.е. пятнадцать голов крупного рогатого скота, на которых он должен накосить сена)» /724/; *чач бау* «лента для волос» /728/; *чегем ортакъ* «вид аренды, при которой, взявший в аренду скот, через пять лет возвращал хозяину то же количество, оставляя себе приплод» /730/; *тешген чепкенле* «девичьи платья невесты (которые она отдает в дом мужа в знак того, что она становится женщиной)»; *тикген чепкен* «праздничное платье (с узорами из галуна или золотого шитья)»; *бухар чепкен* «вид домотканого сукна типа букле»; *чепкен агъач* «ткацкий станок» /731/; *жырна чепкен* «черкеска из холщовой ткани (с черной основой и белым утком)» /731/; *чопна* «название божества в языческом пантеоне карачаевцев и балкарцев, в жертву которому приносили козленка» /736/; *чуба* «чуба, корсет (обычно из кожи, который носили девочки с 10-12 лет до замужества)» /737/; *ындыр багъана* «столб в центре тока, вокруг которого ходят волы(или лошади) при обмолоте); *ындыр гюттю* «ритуальная лепешка в ознаменовании начала молотьбы»; *ындыр таи* «камень в центре тока с отверстием, в которое устанавливается столб» /758/; *эрини атын айтхан ырысды* «произнесение имени мужа запретно; имя мужа – табу» /759/; *эмчек* 3) лицо пользующееся иммунитетом против кровной мести» /768/; *Эрирей* 1) «Эрирей (бог молотьбы в языческом пантеоне)» 2) *Эрирей* «(название

народной трудовой песни, исполняемой при молотье)» /771/; *эркиши* 2) «муж, супруг» /772/; *улуу юй* б) дом стариков (часть дома где сосредоточивалась вся жизнь семьи; обычно здесь жили отец, мать)» /781/; *юйге киргенлик* «подарок в дом родственников мужа в честь первого визита молодой невестки»; *юй къач* «подарки родителей невесты в честь дома (семьи) жениха в день свадьбы» /781/; *юлюш иерге* «послать долю (при ритуальных торжествах отсутствующим посылается доля со стола с куском мяса от забитого животного)»; *юлюш-ле этерге* в) «выделить чью-либо долю»; *сют юлюш* «молоко кормилицы» /784/.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка (в 3-х томах), созданный на базе картотечного фонда, основанного на изучении лексики карачаево-балкарской художественной, научной, общественно-политической литературы, памятников устного народного творчества, архивных рукописей, печатных и рукописных словарей, является не только полным толково-переводным словарем карачаево-балкарского языка, но и значительным событием в культурной жизни Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик.

В толковом словаре карачаево-балкарского языка этнографическая лексика занимает определенную часть и в большинстве случаев выражает особенности местного диалекта, ибо она связана с историей народа, создавшего его, в особенности с бытом, трудовыми процессами, культурой и опытом народа.

Среди других разрядов лексики этнографическая выделяется своей национальной окрашенностью, древностью, богатством и широкими словообразовательными возможностями, своим разнообразием.

Анализ специальной научно-теоретической литературы показывает, что работы исследователей отдельных групп этнографической лексики отличаются друг от друга по характеру проводимых исследований материалов. Несмотря на это, во всех работах имеются и общие моменты. Эти сходства проявляются в следующем:

1. Дается краткий исторический экскурс в историю изучаемых терминов. В некоторых из работ этому посвящена отдельная глава.

2. Исследуемые термины классифицированы под рубриками «Лексико-семантические особенности» или «Лексико-семантические группы».

3. Проводится этимолого-генеалогический анализ терминов под рубрикой «Источники обогащения». Термины подразделяются на общетюркские, арабские, персидские, русские и т.д.

4. Имеет место широкий анализ особенностей словообразования терминов.

Вместе с тем еще остается много неизученных проблем. Что же касается карачаево-балкарского языка, то систематизированы и изучены термины земледелия (Жаппуев, 1974), профессиональная лексика (на материале названий одежды и обуви) (Отаров, 1978) и термины животноводства (Улаков, 1983). Многие ЛСГ карачаево-балкарского языка не подвергнуты исследованию. Например, мифологическая лексика, названия праздников, обычаев и обрядов. В имеющихся работах системно не рассматривается как структура, так и образование названий этнографизмов.

Следовательно, этнографическая лексика изучена недостаточно, как в тюркском языкознании в целом, так и в карачаево-балкарском, в частности. Рассмотрены отдельные тематические группы, исследована этимология отдельных терминов и т.д. Между тем изучение такого огромного пласта древнейшей лексики (при недостаточности или отсутствии языковых памятников) могло бы пролить свет на многие проблемы тюркского этногенеза и истории, тюркского языкознания и культурологии. Поэтому сбор и анализ лексики, связанной с материальной (названия предметов домашнего обихода, одежды, кушаний), духовной (названия игр, ритуальная лексика, мифологическая лексика) культурой, а также терминов, характерных ремеслам, профессиям, видам хозяйственной деятельности, обрядам, верованиям карачаевцев и

балкарцев имеет большое значение не только для карачаево-балкарского языка, но и для тюркологии в целом.

Выводы

Обзор специальной научно-теоретической литературы по исследуемой проблеме показывает, что в последние годы в языкознании намечается усиленное внимание к изучению отдельных проблем лексики, выявлено и подвергнуто систематизации значительное количество фактологического материала по лексике ряда конкретных тюркских языков, в том числе и карачаево-балкарского языка. На материале карачаево-балкарского языка подробно описаны термины земледелия и животноводства, профессиональная терминология и другие пласты лексики, о чем свидетельствуют прежде всего научные труды И.М.Отарова, М.З.Улакова, А.А.Жаппуева и др. В их трудах имеются отдельные сведения по этнографической лексике карачаево-балкарского языка. Значительный материал зафиксирован и в имеющихся словарях, в первую очередь, в «Карачаево-балкарско-русском словаре» и «Толковом словаре карачаево-балкарского языка». Ряд терминов, относящихся к этнографической лексике, наличествует и в работах по этнографии карачаевцев и балкарцев. Вместе с тем, этнографическая лексика исследуемого языка в целом не была объектом специального исследования.

В других тюркских языках изучение этнографической лексики имеет давние традиции. Как показывают имеющиеся лингвистические изыскания, в области изучения этнографической лексики значительных успехов достигли исследователи казахского, киргизского, чувашского, татарского, башкирского и других тюркских языков. В их трудах данный пласт лексики рассмотрен как в плане диахронии, так и в плане синхронии. В ходе изучения трудов по этнографической лексике мы приходим к выводу, что лингвисты принимают во внимание не только микромир, но и макромир языка, т.е. этнографическая лексика рассматривается в связи с данными дисциплин широкого гуманитарного цикла.

В метаязыке нашего исследования нами уделено значительное внимание таким концептам, как этнолингвистика, этнографическая лексика, этнокультурная лексика, этнографические диалектизмы, этнографизмы и др., без уяснения сущности которых любое исследование не приносит желаемых результатов.

Этнолингвистика интерпретируется нами в широком смысле этого слова, как наука, изучающая взаимоотношение между социумом и языком во всем его многообразии. Под этнографической лексикой мы подразумеваем совокупность слов, функционирующих для репрезентации тех или иных реалий быта, материальной и духовной культуры определенного социума. Этнографические диалектизмы отражают понятия о предметах и явлениях, характерных для материальной и духовной культуры жителей определенного ареала в рамках распространения конкретного языка. В нашем понимании этнографизм – это концепт, отражающий то или иное явление материальной и духовной культуры народа.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Лексико-семантические группы этнографизмов

Сложность этнической и политической истории, территориальные особенности в культуре и бытовом укладе жизни балкарцев и карачаевцев нашли отражение в богатой этнографической лексике их языка.

Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка нами разделена на две большие лексико-семантические группы: термины материальной культуры и термины духовной культуры. В свою очередь каждая лексико-семантическая группа подразделяется на более мелкие разряды.

К лексике, связанной с материальной культурой карачаевцев и балкарцев, относятся:

1. названия построек: а) названия домов, б) названия хозяйственных построек, в) названия временных жилищ;
2. названия предметов домашнего обихода и приспособлений для ведения хозяйства;
3. названия одежды и украшений: а) наименования одежды, б) названия головных уборов, в) названия обуви, г) названия украшений;
4. названия пищи (кушанья и напитки): а) наименования молока и молочных продуктов, б) наименования мясных продуктов, в) названия кушаний из круп и муки, г) названия хлебных изделий, напитков.

К лексике, связанной с духовной культурой карачаевцев и балкарцев, относятся:

1. Названия обрядов и обычаев;
2. Лексика, связанная с верованиями;
3. Лексика народной медицины;
4. Термины фольклора;
5. Мифологическая лексика;

6. Названия народной музыки и танцев.

При изучении этнографической лексики по таким лексико-семантическим группам можно установить природные условия, в которых проходила жизнь народа, его основные занятия, особенности хозяйства, жилища, древнейших верований, психологию народа. В связи с широтой темы в данной работе мы не рассматриваем лексику, связанную с верованиями, мифологическую лексику и термины народной медицины и т.д.).

Лексико-семантические группы выделяются на основе денотативной функции наименований. В свою очередь эту классификацию по этнографическим реалиям можно разделить еще на подгруппы.

Рассмотрим лексику, связанную с материальной культурой карачаевцев и балкарцев.

1. Этнографическая лексика, связанная с жилищем, постройками. Следует отметить, что таких слов в данном языке незначительное количество. При поселении в деревни учитывались родственные отношения; *тукъум* «фамилии»; *атауул* «ветвь, ответвление рода, часть рода», следы которой сохраняются и сейчас. Традиционные поселения в Карачае и Балкарии носили характер однофамильных родовых поселений или кварталов (*тийре*), где жили представители одного рода. «Каждый *тийре* назывался в соответствии с живущей в нем фамилией» (Текеев, 1989, 71). Наиболее крупные фамилии имели свои кладбища и мечети. Эта лексика расчленяется на следующие группы:

а) названия жилищ: *юй* «дом», *тёнгертке юй* «рубленный (бревенчатый) дом», *топуракъбаш юй/жербаш юй* «землянка», *саман юй* «саманный дом», *таш юй* «дом из камня», *жер юй* «подвал, землянка», *улуу юй* «дом родителей» (часть дома, где сосредоточивалась вся жизнь семьи; обычно здесь жили отец, мать), *къонакъ юй* «гостиная комната», *отоу юй* «комната молодоженов», *от* (или *хант*) *юй/аш юй* «кухня», *ич юй/ич отоу* «гостиная», *тюп юй* «нижний этаж», *баш юй* «верхний этаж» и др.;

б) наименования, связанные с внутренним устройством жилищ: *кётюртме* «нары»; *орта чигинжи* «основная подпорка сакли»; *гыржын агъач* «доска (на которой перед выпечкой укладывают чуреки)»; *от агъач* «жердь над очагом, на которую вешали казан, котел для варки пищи»; *билек агъачла* «боковины очага (от пола до дымохода)»; *ундурукъ* «кровать»; *жыйгыч* «широкая полка вдоль задней стены дома для складывания постели»; *танка/танха* (карач.) «главная полка (на задней, глухой стене комнаты, куда ставили красивую утварь)»; *от жагъа/от орун* «очаг»; *ожакъ* «дымоход»; *бюйре* «железное приспособление с острыми зубцами, которое прикрепляли к цепи и опускали в дымоход очага, чтобы через него не спустился кто-либо»; *мулжар агъач* «жердь, отделяющая очаг от настила (чтобы солома (или сено) не расползалась)»; *мулжар* «настил, ложе в коше (на него пастухи кладут солому, сено, войлок)» и др.;

в) названия хозяйственных построек: *аш юй* «кухня», *аишана* «столовая», *гёзен* «чулан, кладовая с земляным полом и с приспособлениями для хранения заготовленных на зиму продуктов», *жатма* «постройка в виде навеса, одна сторона которой специально остается открытой (без окон, дверей, ворот)», *гуму* «кладовая, кладовка», *чалман/чалы* «плетень», *ат чалман* «специальная для привязывания коня», *гедеш¹* «курятник», *гёш¹* «конюшня», *гёш²* «разновидность навеса», *дуркъу* «загон для скота, огороженный плетеной оградой», у карачаевцев «сеновал», *мал орун* «крытое помещение для скота», *ат орун* «конюшня», *тауукъ орун* «курятник», *ит орун* «конура», *гёзенек* «огороженный плетнем участок для мелкого рогатого скота, *къодан* «загон для овец», *кюндюзлюк* «навес (для скота)», *куудуш* «кормушка (для скота)», *чалдиш¹* «плетень, изгородь», *чалдиш¹* «клетка для птиц и животных», *дуу¹* «сплетенное из прутьев хранилище для початков кукурузы», *бау¹* «сарай, хлев (для скота)», *ийнек орун* «коровник», *кюф* «закром, емкость для хранения зерна» и др.;

г) названия кочевых поселений: *жайлыкъ* «летовка», *къышлыкъ* «зимовье, место для зимовки скота», *чал-*

*ман*²/*чалы*² «сплетенный из прутьев прямоугольник, дом, кошара и т.п.», *къош* «кош, шалаш, где живут животноводы, полеводы, косари и т.п.», *чатыр*¹ «шалаш», *чатыр*¹ «палатка», *мысхырма* (карач.) «лачуга, хибара» и др.

2. Этнографические термины, обозначающие предметы домашнего обихода и приспособлений для ведения хозяйства, можно сгруппировать следующим образом:

а) этнографизмы, связанные с животноводством: *гыбыт* «бурдюк», *къудукъ* «кожаный мешочек для хранения соли, изготовленный из шкуры головы животного», *гыбытлыкъ* «шкура для бурдюка», *къапчыкъ* «мешок (из снятой чулком шкуры овцы, козы)», *гысса* «кожаный мешок (между *къапчыкъ* и *тулукъ*)», *къалта* «кисет из бараньей мошонки», *къобура* (уст.) «пороховница (из рога)», *къапчыкълыкъ* «цельно снятая шкура овцы, козы, чтобы сделать *къапчыкъ*», *къамичи* «плеть, плетка, хлыст, кнут, нагайка», *къамичилик* «материал, пригодный для изготовления кнута», *гыреш* «кожаная затычка в бурдюке», *тулукъ* «мешок (из снятой чулком шкуры)», *тана тулукъ* «мешок из шкуры теленка» и др.;

б) наименования предметов посуды и кухонной утвари: *ашлау* «поднос (деревянный)», *мюйюз* «рог (бокал)», *копал* (ц.д.) «чаша» (деревянная)», *копуй* (ц.д.) «ступка (небольшая, деревянная)», *кели* «ступа», *кели баш* «пест», *къазан* «котел, казан», *къазан* (карач.) «закрытый сосуд для получения пара из воды)», *къазанчы* «повар, кашевар», *къамил* «деревянная чаша», *къалай* «жестяная посуда», *къап*¹ «футляр, чехол», *къашыкъ* «ложка», *къашыкълыкъ* «заготовка (материал) ложки», *сут башы къашыкъ* «почти плоская деревянная ложка, для снятия сливок», *улли къашыкъ* «столовая ложка», *чай къашыкъ* «чайная ложка», *аякъ-къашыкъ* «кухонная посуда», *чапчакъ* (карач.) «чан, кадушка», *къутукъ* «кубышка (сорт тыквы) для хранения сыпучих продуктов», *къумгъан* «кумган (металлический кувшин с узким горлышком и длинным носиком)», *къуршоу* «обруч», *дугосук* (арх.) «казан, в котором жаривалась целая туша», *жалгъаууч* «сковорода с ручкой», *гадура*¹ «цедилка,

дуршлаг», *кьошун*² «крынка, горшок», *готпан* «глубокая чаша (деревянная)», *аякъ* «чаша, чашка, бокал, чарка, кубок», *фитир аякъ* «большая чашка (как мера объема)», *боза* (или *алгыыш*) *аякъ* «здравная чаша», *тияла* «пиала», *чара табакъ* «большая деревянная чаша», *чахас тегене* «широкая деревянная чаша для просеивания зерна», *элек* «сито», *таба* «сковорода», *къалакъ* «деревянная лопаточка для размешивания», *чоюн* «котел», *гыржын агъач* «особая железная подставка, опирая на которую подсушивали лепешки», *гыржын агъач* (приспособление для подсушивания лепешек перед допеканием в золе), *ючаякъ* (карач. *ючдагъан*) «таган, на котором устанавливался котел, треножник», *эт ыргъакъ* «особая вилка, которой доставали вареное мясо из котла», *жазгыч* «каталка, сделанная из твердого дерева», *тйюгюч* «колотушка для толчения картофеля», *къуйгъуч* «деревянный совок для муки», *къыргъыч* «терка», *бёрек кесгич* «нож с зубчиками (для фигурного резания теста для пирожков)», *жау ургъуч* «длинная палка с круглой деревянной головкой с отверстиями (для сбивания масла в маслобойке)», *айран ургъуч* «толстый деревянный стержень для взбалтывания айрана», *челек* «ведро», *чыккыр* (карач. *бёчке*) «кадка, бочка, чан», *табакъ*, *чырча* «тарелка (первоначально деревянная)», *чолпу* «большой кухонный половник», *чёмюч* «ковш деревянный; чашка» и др.;

в) этнографическая лексика, обозначающая орудия земледелия: *сабан агъач* (ц. диал. *готон*), *къаладжюк* (карач.) «плуг, соха», *къаладжюк жаякъ* (карач.) «лемех сохи», *чага* (ц. диал. *кифе*) «мотыга, тяпка», *оракъ* «серп», *оракъчы* «жнец», *ат-ёгюз* «тягло, тягловая сила, рабочий скот», *къол тирмен* «ручная мельница», *боюнса* «ярмо», *ёгюзлюк*² «дуга концами вверх, устанавливаемая на дышле у ярма», *губулушха* «деталь арбы, предохраняющая бока запряженных волов от трения об оглобли», *кёчер агъач* «ось (арбы, машины)», *къаплаууч* «отвал (режущая часть плуга)», *къарлау* «лопатка (лопаточка), которой очищали отвал сохи (плуга)», *къулас* «рукоятка плуга», *жугар* «лопата», *къакъгыч*¹ «колотушка, тербилка (деталь мельницы)», *мигидау*¹ «корзина с семена-

ми (которую вешали на шею при сеянии)», *гулос* «держак (на ручке косы)» (карач. – сохи), *арыш* «оглобля, дышло», *тыр-наууч* (ц. диал. *къыйтхы*) «борона» (карач.) «грабли» и др.

3. Этнографизмы, обозначающие названия одежды и украшений:

а) наименования одежды: *чепкен*² «черкеска» у карачаевцев *чепкен* «платье женское», *гебенек* «войлочная накидка с капюшоном (обычно пастушья одежда)», *габара* (карач. *габарай*) «телогрейка, жилет, стеганка», *къантал* «чекмень, казакин», *къаба* (устар.) «разновидность женского платья», *кёнчек* «брюки, штаны», *итлик кёлек* «первая рубашка младенца» и др.;

б) наименования головных уборов: *башлык* «башлык», *гыранча* «вид платка из шелковой ткани с бахромой», *гюлменди* «тонкий шелковый платок с набивным рисунком», *жаулуьк* «шаль», *къалпакъ* «шляпа», *бёрк*, *бокка* (дет.) «шапка», *бухар бёрк* «каракулевая шапка», *окъа бёрк* «женская шапочка, украшенная золотистым галуном», *кечеги бёрк* «ночная шапочка», *кийиз бёрк* «войлочная шляпа», *пес бёрк* «феска», *чырна бёрк* «папаха», *кюпес* «шелковая шаль с бахромой» и др.;

в) названия обуви: *чабыр* «примитивная мужская обувь без каблука из сыромятной кожи, чувяк», *къаламан* «горская охотничья обувь из кожи», *мес* «женские и мужские сафьяновые сапожки без каблука и твердого задника, с мягкой подошвой», *ген чарыкъ* «обувь из обработанной кожи крупного рогатого скота», *чарыкъ*¹ «примитивная обувь из сыромятной кожи», *чарыкъ* «тапки, тапочки», черкес *чарыкъ* «грубая обувь из сыромятной кожи», *чурукъла* «сапоги, туфли», *кийиз уюкъла* «войлочные бурки», *кийиз чарыкъ* «войлочные тапочки», *сахтиян чурукъла* «хромовые сапоги», *сахтиян чарыкъла/ сахтиян месле* «сафьяновые ноговицы» и др.;

г) названия украшений: *боюнлуьк*² «украшение в виде фигурной застежки, пришивавшаяся на кафтанчик или нагрудник», *кепси* «подвесная серьга», *кепис* «серебряные застежки-пластины на рукавах девичьего платья, драгоценные подвески на серьгах, на поясе и т.п.», *кепсиле* «подвески лис-

товидные (в старину пришивали к рукаву по шву от локтя до кисти)», *налтех* «кругло оплетенное украшение из шелковых или золотых нитей», *зынгырдауукъ*² «одно из золотых или серебряных украшений в виде лепестков, которые женщины носили на груди», *окъа* «позумент, галун», *кямар* «серебряный (иногда золотой) женский пояс», *минчакъ* «бусы», *ганийба* «вышивка, узор», *жюзюк* «кольцо», *бууунлукъ* «серебряный или золотой браслет», *мет* «украшение ромбовидной формы из серебра или кожи с галуном (обычно на вороте бурки)», *кямар туюме* «женские украшения (принадлежности национального женского костюма)».

4. Этнографизмы, обозначающие названия пищи и напитков:

айран «кислое молоко особой закваски», *гыпы айран* «напиток, приготовленный на грибах (кефир)», *жууурт* «кислое цельное молоко, варенец», *мыстындау* «кислое молоко, полученное квашением подогретого, но не кипяченного молока», *акъ тузлукъ* «соленый айран на зимнее время, когда коровы не доятся», *чайкъалгъан айран* «пахта», *гыбыт айран* «бурдючный айран (залитый в бурдюк и приобретший особый вкус)», *мойта/акъсуу* «айран, разведенный водой», *сют* «молоко», *бушто* «тюр» (хлеб, крошенный в молоко, сметану, айран), *мёрезе* «мамалыга с плавленным сыром», *биямукъ* «мучная похлебка», *гумул* «квас» (хлебный), *боза* «буза», *как* – «мамалыга», *илибже* «национальное блюдо народов Северного Кавказа, приготовленное из курицы или мяса в сметанном соусе», *къатыкъ*¹ (балкарское и карачаевское национальное блюдо, приготовленное из муки и сыра с добавлением масла или сметаны), *къатыкъ*² (карач.) «кукурузная лепешка (испеченная на сковороде)», *къатыкъ*³ «мясо-молочные продукты (заготовленные на зиму)», *бёрек* «пирожок», *бешбармакъ* «еда из мяса и скатанного теста», *лёкум* «лакум», *къалач* «калач (небольшой дискообразный хлеб, испеченный в горячей золе или сковороде)», *кюл къалач* «калач, испеченный в золе», *бал къалач* «пряник», *къыйма* «колбаса из мелко рубленного мяса, заправленного специями и залитого в кишки животного», *къурмач* «кукурузные хлопья, воз-

душная кукуруза (или пшеница)», *кѳууурма* «ковурма (жареное мясо, жаркое, рагу)», *кѳууурдакъ* «выжарки», *кѳууут* «мука обычно из жареной кукурузы, толокно», *кѳууут басхан* «блюдо из толокна, замешанное с медом или сладкой водой», *лѳуттю* «лепешка», *жѳѳрме* «кушанье из измельчѳнного нутряного сала, жирных кишок мелкого рогатого скота, завернутых в куски из стенок желудка животного, сваренное в котле», *гыржын* «чурек, лепешка», *от гыржын* «лепешка, испеченная в золе», *кѳазы* «разновидность колбасы из конины», *жѳрна* «у карачаевцев и балкарцев блюдо, приготовляемое из очищенных на ступе зерен кукурузы, иногда с добавлением фасоли», *кѳалжа*¹ «кушанье приготовленное из мелко нарезанного мяса», *жалбауур* «печень, обвернутая тонким слоем внутреннего жира и поджаренная на вертеле», *кѳакъ* «вяленое или сушеное мясо», *сюзме бишлакъ* «творог», *хумѳу* «свежий, неотжатый сыр», *бишлакъ бишген/бишлакъ биширген* «блюдо, приготовленное из сыра, сметаны и кукурузной муки», *суу бѳрекле* «вареники», *ѳтмек* «хлеб», *кѳаймакъ/сют баш* «сметана», *жау / май* «масло», *сохта / ашхын сохта* «начиненный особым фаршем желудок (мясное блюдо)», *ѳт* «мясо», *ишишлик* (карач. *тишлик*) «шашлык», *тѳш* «вид шашлыка», *чабакъ шорпа* «уха», *кѳуймакъ* «яичница, омлет», *палау* «плов», *бегене* «негустая квашеная каша, изготовленная из овсяной или кукурузной муки», *ашыра жѳрна/асырагѳже* «обрядовый суп, который варили для проводов зимы и приветствия наступающей весны», *хычин* «хычин», *шорпа* «шурпа», *тауукъ шорпа* «шурпа из курятины», *кѳой шорпа* «шурпа из баранины», *тууар шорпа* «шурпа из говядины», *аш* «пища, еда», *рел.* «поминки, тризна», *хант* «еда, кушанье», *хант кѳанга* «обеденный стол», *хант туз* «поваренная соль», *бал туз/шекер* «сахар», *ѳрттен азыкъ* «завтрак», *тюш азыкъ* «обед», *сары аш* «еда во время мусульманского поста уразы до рассвета», *тыммыл* «плоская лепешка, хычин без начинки», *хатлама* «тонкая слоеная лепешка», *халпама* «галушки», *чыкѳырт* «тонкий фигурный хрустящий лакум, хворост», *чырлама* «род лакума», *баста* «крутая каша из пшена или кукурузной крупы без соли и масла», *жаркой*

«жаркое, жареный картофель с мясом», *худур* «похлебка из воды и муки, иногда с молоком», *хантус* «пшеничный суп, рисовый суп», *уумач* «кушанье из муки и сыра», *гёже* «суп из зерен злаков», *бишлакь бёрек* «пирожок с сыром», *картоф бёрек* «пирожок с картофелем», *эт бёрек* «пирожок с мясом», *суу бёрек* «вареник, пельмень», *эт хычин* «хычин с мясом», *бишлакь хычин* «хычин с сыром», *хумжу хычин* «хычин со свежим не отжатым сыром», *жау хычин* «хычин с бараньим жиром», *чюгюндюр хычин* «хычин со свекольной ботвой», *мурса хычин* «хычин из сыра с крапивой», *таба хычин* «хычин, испеченный на сковороде», *от хычин* «хычин, испеченный в золе», *кьырым хычин* (букв.) «крымский хычин» (сдобный пирог с начинкой из яиц, риса, изюма), *кьочхар хычин* (пирог с начинкой из мяса и сыра, который пекли во время случки овец, если пирог получался пышным, то приплод обещал быть хорошим), *халыуа* «халва», *камнет* «конфета», *бал кьалач* «пряник», *варенье* «варенье», *кьатханла* «сушеные фрукты», *мырзай* «пастила», *мантыла* «манты», *салат* «салат», *борц* «борщ», *хамеши* «верхний слой айрана, изготовленного из неснятого молока», *хуптеги* «молочная сыворотка», *мая* «закваска для изготовления сыра», *кьоя-жапха* «блюдо из мелко накрошенного сыра, муки, сметаны и яиц», *кьаймакь бишген* «каша из кукурузной муки, сваренная в сметане», *сыра* «пиво», *чагьыр* «вино», *аракьы* «водка», *шербет* «сладкая фруктовая вода», *гара суу* «нарзан, минеральная вода», *кёгет суу* «фруктовый сок, компот, лимонад», *бегене* «кисель», *гумул/жалдан* (карач.) «квас, продукт вторичного процеживания хмельной массы из муки при изготовлении бузы» *шай/чай* «чай» и др.

5. Этнографизмы, обозначающие названия ритуальной и обрядовой пищи:

кьурманлыкь «жертвоприношение» (в религиозный праздник курман, а также в честь какого-либо события), *кьой кьыркьгьан кьурманлыкь* «жертвоприношение по поводу стрижки овец», *кьочхар кьошхан кьурманлыкь* «... по поводу случки баранов и овец», *юй тюп кьурманлыкь* «... по поводу закладки фундамента дома», *сабаннга чыкьгьан кьурман-*

лыкь «... по поводу начала пахоты», чалмандан чыкъгъан къурманлыкь «... по поводу выхода (скота) из загона (на пастбище)», келин келген къурманлыкь «... по поводу привода невесты» и мн. др., ашыра жырна «обрядовый суп из мяса и протолченных зерен пшеницы, кукурузы, ячменя, пшена, фасоли, лука и перца, т.е. из семи компонентов». Его варили для проводов зимы и приветствия наступающей весны, о чем свидетельствует и название ашыра от ашыр «проводжать». Иногда, особенно в Карачае, этот суп готовили из девяти продуктов, о чем говорит загадка: «Тогъуз ашдан – бир аш, тогъуз элге – толу аш (из девяти продуктов – одна еда, девяти селам – достаточная еда)».

Обрядовое блюдо «ашыра жырна» имеет еще название асырагёже «жидкая еда из зёрен злаков, приготовленная в честь окончания уборки урожая или проводов зимы», бюртюк жырна «кушанье из отваренных зерен (чего-либо)», тиш жырна «отваренные зерна кукурузы, ячменя, фасоли, пшеницы, протолченные в специальной ступе». Это блюдо варилось при появлении у ребенка первого зуба.

6.Этнографизмы, связанные с традициями, обрядами, обычаями:

а) названия, связанные с рождением и воспитанием ребенка: бешик «детская колыбель, люлька», садрач бешик «резная люлька», бешик жыр, белляу «колыбельная песня», сабийни бишикге салыргъа «устраивать торжество по случаю рождения ребенка», бешикге салыу «пеленание, торжества по поводу первого пеленания ребенка», ау салам (арх.) «разновидность мягкой горной травы, на которую ложили роженицу для родов», аначылыкь хакь «половина мяса барана, зарезанного в честь новорожденного, - доля повивальной бабки», аначы «повитуха, женщина, которая принимает роды», къууукь минчакь (арх.) «бусина, которую привешивают к одеяльцу люльки, которая якобы облегчает мочеиспускание ребенка», сыпта «костяная трубка из голени овцы для стока мочи ребенка из люльки», тиш жырна «блюдо, которое варили при появлении у ребенка первого зуба» (объяснение блюду дано выше), бешик бау «повязка для люльки, лямка (для при-

вязывания ребенка к колыбели)», *бешик быстыр/ бусхул* (карач.) «пеленка», *бешик жастыкъ* «подушечка для люльки» и др.

б) наименования, связанные с традиционными обрядами сватовства, бракосочетания: *келечи* «сват»; *келин келген къурманлыкъ* «пир по поводу привода невесты»; той «свадебный пир»; *къыз сайлау* «выбирание невесты, смотрины»; *келинлик* «невестка (будущая)»; *киеулюк* «жених (будущий)»; *келинни юйге кийириу* «обряд введения невесты в помещение, где живут родители мужа, и показ ее родителям и родственникам жениха»; *киеу нёгерле/жёнгерле* «дружки, товарищи, сопровождающие жениха в его поездке за невестой»; *жоллукъ* «выкуп за проезд или проход (свадебный обряд)»; *жегенден тюшюрюу* «вывод невесты из родительского дома»; *къурманлыкъ*² «пир, торжество, угощение»; *къурманлыкъ*¹ «скотина, которая приносится в жертву в честь какого-либо торжества»; *неках* «бракосочетание (по мусульманскому обряду)»; *неках мал* «скот, даримый женихом родителям девушки при помолвке»; *къалын* «калым, выкуп за невесту»; *неках сый* «подарки, которые приносят со стороны жениха в дом девушки при помолвке»; *союм жыйыу* (уст.) «сбор помощи для выплаты калыма»; *къач чырча* (ц.диал.) «почетный подарок в виде чаши, наполненной разными лакомствами, пряностями и предметами легкого туалета»; *юй къач* «подарки родителей невесты в честь дома семьи, жениха в день свадьбы»; *аталыкъ* «подарки, даримые невестой свекру»; *аналыкъ* «свадебный подарок матери (от жениха или невесты)»; *ау*¹ «занавеска, занавешивавшая ложе молодых, полог, ширма»; *баш ау* (карач. *ау жаулукъ*) «фата»; *баш ау алыу* «показ невесты родителям и родственникам жениха, после чего она приобщается к домашнему труду»; *дигиза*¹ «женщина или девушка, обслуживающая молодую невесту, в первые брачные дни (карач. «няня; кормилица»)», *атланган той* «танцы, устраиваемые по случаю проводов гостей в путь»; *атланган аякъ* «чаша с напитком (бузой) или спиртные напитки с закуской, подаваемые жениху и его товарищам для выпивания перед отъездом из дома или гостям, уходящим от

праздничного стола»; *киеу стол/киеу кьанга* «стол с угощением, предназначенный для зятя с его друзьями»; *тюп-баи* «приданое, постель (в качестве приданого)»; *юйге киргенлик* «подарок в дом родственников мужа в честь первого визита молодой невестки»; *кюбе теишеген кьыз* «незамужняя девушка»; *кьыз быстыр* «одежда девушки до замужества»; *берне* «приданое»; *бериу-алыу* «преподнесение подарков родственниками жениха и невесты друг другу»; *сый* «подарки в виде продуктов, вещей, скота, которые посылает дом жениха в дом невесты после свадьбы»; *аталгъан мал* «скотина завещанная кому-либо, предназначенная для чего-либо»; *кёрюмдюк/кёргенлик* «подарок за смотрины (в честь того, что впервые увидел молодую невестку или новорожденного)»; *той байракъ* «свадебный флаг»; *юй байракъ* «флаг семьи с тамгой или без него»; *кьоз бёрк* (букв. ореховая шапка) «высоко устанавливаемая шапка из прутьев, обтянутая шелковой тканью, чаще бархатом, с лакомствами и подарками, к которым лезут парни-смельчаки по промасленному ремню, доставший шапку раздает лакомства и подарки девушкам», *тенгек сый* «приз, выделяемый из сувениров невесты для награждения победителя по стрельбе»; *неках табакъ* «поднос – подношение с свадебной ритуальной пищей в знак бракосочетания»; *киеу аякъ* «чаша жениха»; *гяпчи* (на ц. диал. *кеп-пай*) «ряженный – персонаж свадьбы, который развлекает народ на свадьбах»; *улан нёгер* «друзжка, шафер»; *болуш юй* «дом, где в первые брачные дни пребывает жених»; *орайда* «народная песня, которая исполняется, когда выводят невесту и приводят в дом жениха»; *ёрюм²* «деревянный шест, смазанный маслом, предназначенный для лазания (на свадьбах, пирах)» и др.;

в) термины, связанные с погребальными и религиозными обрядами: *ёлюкню сакълау* «охрана покойника до похорон»; *жуугъан кьанга* «специальный стол для мытья покойника»; *сал агъач/сал басхыч* «носилки, на которых несут покойника на кладбище», *деуюр¹* «у верующих мусульман обряд отпущения грехов покойнику, центральное место в котором занимает раздел денег между богослужителями»; *деу-*

юр^{II} «сумма денег, выделенная для исполнения обряда отпущения грехов покойнику»; *кебин*^I «саван»; *кеблик* «материал для савана»; *ёлюкню чыгъарыу* «вынос покойника из дома»; *оба* (уст.)/*къабыр* «могила»; *оба къязыкъ* «надгробный столб»; *оба къаранчха* (карач.) «надмогильный камень»; *оба таш/сын таш* «памятник на могиле»; *баш агъач* «надгробный столбик, который устанавливается во время захоронения, на могиле, до установки памятника»; *джайма*^I «молитвенная еда, раздаваемая бедным, соседям, обычно по пятницам», *жайма*² «тонко раскатанное тесто, поджаренное на масле, которое раздают в день стирки одежды покойника»; *аш*^{III} «поминки»; *къайгъы аш* «пища приносимая соседями в дом покойника в первые три дня после смерти»; *къабыр къанга* «могильные доски»; *жаназы* «заупокойная молитва (совершаемая на кладбище перед опусканием покойника в могилу), панихида»; *ясын* «одна из молитв, которую читают над покойником»; *дууа* «молитва»; *кемик дууа/жик дууа* «поминки по умершему (на пятьдесят второй день)»; *жылыкъ аш* «поминки к годовщине умершего»; *эрттен дууа* «утренняя молитва»; *намаз* «намаз, молитва»; *эрттен намаз* «утренняя молитва»; *кюн орта намаз* «обеденная молитва»; *экинди намаз* «предвечерняя молитва»; *ахшам намаз* «вечерняя молитва»; *жассы намаз* «ночная молитва»; *намазлыкъ* «молитвенный коврик, шкура, на которой совершают намаз»; *намаз минчакъ* «четки»; *рекегъат* «часть намаза»; *гъайыт* «праздник по окончании мусульманского поста уразы»; *ораза* «ураза (пост у мусульман во время месяца рамазана)»; *Рамазан ай* «девятый месяц мусульманского лунного календаря, в течение которого мусульмане соблюдают пост»; *къурман 1)* «курман (месяц арабского лунного календаря, в котором совершают жертвоприношения)»; *2) къурман байрам* «мусульманский праздник жертвоприношения»; *3) «жертвоприношение»*; *4) къурман мал* «жертвенное животное»;

г) этнографизмы, связанные с национальными традициями и играми:

гутан (арх.) «название праздничного завтрака в первый день выхода на пахоту»; *сабан тои* «сабантуй (национальный

весенний праздник)»; *голлу* «древний обрядовый круговой танец, обряд проводился в середине марта перед началом весенних полевых работ»; *гюпте* (арх.) «коляда (обряд прославления праздника, за что сельчане одаривают пришедших подарками)»; *суу алышмакъ* «обряд-игра, обливание водой друг друга, прохожих, чтобы пошел дождь»; *кюрек бииче* (арх.) «лопата, наряженная в женскую одежду (чтобы пошел дождь) (для вызывания дождя)»; *тутуш* «спортивная борьба»; *къол таи* «камень для метания, в национальной спортивной игре»; *чарши* «скачки»; *ишхайты* «праздник в честь завершения полевых работ»; *биченнге чыкъгъан кюн* «день выхода на сенокос (день сопровождался коллективным гулянием, женщины пекли лакумы и хычины, варили мясо – угощалось все село)»; *ындыр той* «праздник молотбы (справлялся осенью)»; *ыстым той* «игры, веселье по вечерам у роженицы в течение недели, чтобы ведьма не удавила новорожденного»; *агъач ат* «игра с деревянным «конем»»; *бийче къол* «пересоленное блюдо, которое ели девушки при игре, не употребляя жидкость и думая, что им приснятся любимые»; *тузлу гюттю* «маленькая лепешка, с запеченной внутри солью (использовалась на вечеринках молодежи, съевшей или съевшему ее снился суженый или суженая)».

2.2. Характеристика этнографизмов с функционально-семантической точки зрения

В составе этнографической лексики имеются устаревшие слова (архаизмы), историзмы и неологизмы.

Архаизмы этнографического пласта лексики, так же как и другие архаизмы словарного состава языка, возникли вследствие устаревания одних и развития других слов в синонимических рядах.

Слово, которое ранее употреблялось наравне с другими по отношению к своим же синонимам, стало приобретать оттенок малоупотребительности и архаичности. Например, в рядах *балыкъ*, *чабакъ* «рыба»; *капы*, *къабакъ* «ворота»; *опуракъ*, *кийим* «одежда» – превратились в архаизмы слова: *ба-*

лыкъ, капы, опуракъ. Архаизмами стали также следующие этнографизмы: *дугосук* «казан, в котором зажаривалась целая туша»; *нарат чыракъ* «сосновая лучина, употреблявшаяся для освещения»; *къобура* «пороховница»; *зиндан* «темница, яма (тюрьма)»; *аихана* «столовая»; *гѣн чарыкъ* «обувь из обработанной кожи крупного рогатого скота»; *къымылды* «ремни, веревки домашнего ткацкого станка»; *къаба* «разновидность женского платья»; *къаламан* «горская охотничья обувь из кожи»; *къямар* «серебряный (иногда золотой) женский пояс»; *гысса* «разновидность кожаного мешка»; *окъчу* «мастер по изготовлению стрел, пуль»; *манс* «ремень (длинный и широкий из воловьей кожи)»; *зынгырдауукъ* «одно из золотых или серебряных украшений в виде лепестков, которые женщины носили на груди»; *боюнлукъ* «украшение в виде фигурной застежки, пришитое на кафтанчик или нагрудник».

В отличие от архаизмов историзмы – это слова, вышедшие из повседневного употребления вследствие того, что обозначаемые ими предметы и понятия уже неизвестны говорящим как реальная часть их повседневного быта.

К числу историзмов можно отнести следующие слова:

барамта «самовольный захват имущества должника с целью вернуть долг»;

батман «старая мера веса для сыпучих веществ»;

гиреш «кожаная затычка в бурдюке»;

гыбыт «бурдюк»;

гыбытлыкъ «шкура для бурдюка»;

къапчыкъ «мешок из снятой чулком кожи овцы, козы»;

мидел «солома или сено, что стелится в чабуры»;

мыккау «корзина с семенами (которую вешали на шею при севе)»;

чабыр «примитивная мужская обувь без каблука из сыромятной кожи, чувяк»;

чабыр къулакъ «задняя часть чабура с отверстием, держа за которое натягивали его на ногу».

Такие слова связаны с реалиями, имевшими место в историческом прошлом, поэтому их вводят во вновь создаваемые произведения для придания исторического колорита описываемой эпохе.

Состав этнографической лексики пополняется новыми словами (неологизмами). Общественное развитие постепенно вытесняет из жизни отдельные обычаи, обряды и традиции. Вместо них возникают новые, отражающие сущность новой жизни. В качестве их наименований появилось значительное количество слов и словосочетаний, которые стали употребляться в словарном составе карачаево-балкарского языка.

Так, например, в карачаево-балкарском языке использовались различные нумеративы, обозначающие меру веса. К ним можно отнести *гёренке* «единица меры веса около фунта»; *батман* «старая мера веса для сыпучих веществ», *пуд* и т.д. На сегодняшний день вместо них используются другие лексемы быта грамм, килограмм, центнер, тонна. Это обусловлено тем, что в связи с развитием общества появляются новые системы измерения, вытесняющие старые. То же самое можно сказать о словах меры длины *къары* «локоть (старинная мера длины)»; *къарыш* «расстояние между концами вытянутого большого пальца и мизинца руки». Вместо них мы имеем лексемы: сантиметр, метр и т.п.

Как отмечалось выше, в составе этнографической лексики имеются диалектизмы и регионализмы (карачаизмы).

Диалектизмы:

кеттай (диал.) – *гяччи* (лит.) «ряженный, шут, который развлекает народ на свадьбах»;

гефхин (диал.) – *ал бота* (лит.) «передник, фартук»;

готон (диал.) – *сабан агъач* (лит.) «плуг, соха»;

уууз (диал.) – *ырпыс* (лит.) «молозиво»;

тюпгюр/тюпгюч (диал.) – *аппун* (лит.) «подушка для сидения»;

чиклия/эшек жип (диал.) – *жантау* (лит.) «длинный аркан, изготовленный из кожи крупного рогатого скота»;

къаланкъа (диал.) – *ау'* (лит.) «занавеска, занавешивавшая ложе молодых, полог, ширма»;

кифе (диал.) – *чага* (лит.) «мотыга, тяпка».

Хотя диалектизмы не входят в состав литературного языка, писатели при необходимости могут использовать их в художественных произведениях для передачи местного колорита.

К регионализмам относятся следующие слова:

ау жсаулукъ «фата»;

аякъсытыу «сглаз»;

байчы «байчы (дух приносящий счастье, богатство)»;

гюппе «коляда (обряд прославления праздника, за что селяне одаривают пришедших подарками)»;

тотайла «женщины (в народном театре)»;

мысхырма «лачуга, хибара»;

къаладжюк «плуг, соха»;

юлдагъан «таган, на котором устанавливается котел, треножник»;

жалдан «вторичная буза (получаемая после вторичного процеживания хмельной массы)»;

хулгу «мучная подсыпка (под тесто, чтобы оно не приставало)»;

хота «передник, фартук»;

юнгюч «шабер (инструмент, которым изготавливают деревянные ложки, половники)»;

мёрезе «мамалыга с плавленым сыром»;

чапчакъ «чан, кадушка»;

къытчас («*кырка/гири*¹ – балк.) «плоское конусообразное деревянное приспособление с круглым отверстием по середине, которое прикрепляется к концу веревки» и т.д.

2.3. Основные принципы и способы номинации этнографизмов

В изучении семантики языковых единиц можно пойти разным путем. С одной стороны, возможно идти по пути анализа готовых языковых форм и, наблюдая их поведение, поставить вопрос о том, какова их семантика. С другой же стороны, представляется возможным сперва выделить заинтере-

совавшее нас определенное значение, а затем обратиться к тем же реальным единицам языка, могущим выразить и передать его. «Ситуацию в первом случае называют анализом семасиологическим, ситуацию во втором – ономасиологическим анализом» (Кубрякова, 1986, 33). На это в свое время указывал еще О.Есперсен. По его мнению, всякое языковое явление необходимо рассматривать или исходя из его внешней формы, или же из его внутреннего значения. В первом случае мы идем от формы к значению, во втором, «отправляемся от значения и задаем себе вопрос, какое формальное выражение это значение находит в данном конкретном языке» (Есперсен, 1958, 32-33).

В лингвистике налицо тенденция противопоставления семасиологии и ономасиологии. Однако они являются двумя взаимосвязанными разделами семантики, основной задачей которой признается исследование значений языковых знаков (Новиков, 1982, 181). Говоря о равноправии отмеченных подходов в грамматике, В.С. Храковский подчеркивает, что описание «от смысла к форме» логически предшествует описанию «от формы к смыслу», так как «кодирование говорящим в своей речевой продукции определенного смыслового содержания начинается раньше, чем его декодирование слушающим. В то же время описание «от формы к смыслу» эмпирически и исторически предшествует описанию «от смысла к форме», ибо именно формы, а не смыслы даются исследованию в непосредственном наблюдении (Храковский, 1985, 67). В.П. Даниленко же говорит, что семасиологическая грамматика предшествует ономасиологической не только эмпирически и исторически, но и логически. Ономасиологическая грамматика не обходится без семасиологической, так как последняя снабжает первую категориями семасиологического типа, которые преобразуют в ней в ономасиологические категории (Даниленко, 1990, 42).

Выбор пути анализа языковых единиц нередко предопределяется целью и задачами исследования. Думается, что наибольший эффект ономасиологический подход дает при изучении отдельных функционально-семантических катего-

рий. Этот подход «в конечном итоге, если он доведен до своего логического конца, стирает грани между уровнями языка, показывая, как средства разных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений» (Гак, 1985, 14).

При анализе этнографической лексики мы придерживаемся в целом ономаσιологического подхода, поскольку науку об именах, о природе наименований, о средствах обозначения и их типах называют ономаσιологией. Основной целью ономаσιологии является создание теории номинации, ее главной задачей – «изучение средств и способов названия отдельных элементов деятельности» (Языковая номинация, Виды номинации, 1977, 222). Номинация есть закрепление за словом понятия, отражающего определенные признаки предметов.

Необходимо пояснить некоторые концепты и термины, связанные с вопросами номинации и которыми мы оперируем в данном исследовании.

Принцип номинации – своеобразное правило, формирующееся в результате обобщения мотивированных признаков в «говорящем» коллективе. Это исходная база для новых наименований.

Таким образом, принцип номинации – это категория значимая, содержательная, которая фиксируется в сознании людей.

Способ номинации – это тот прием, с помощью которого осуществляется реализация принципа номинации. Способ номинации является своего рода формой и соотносится с принципом номинации как с содержанием. Различается два способа номинации: прямой и опосредованный. В первом случае мотивировка выражается непосредственно, корневой морфемой слова, а во втором – ассоциативно, при помощи сравнения с уже существующей единицей.

Средства номинации – это фонетические, морфологические, лексико-фразеологические и синтаксические единицы языка, которые непосредственно участвуют в процессе номинации и с помощью которых он осуществляется.

Д.Н.Шмелев отмечает, что «основные способы номинации, т.е. способы образования новых названий предметов и явлений, обычно действуют в языке на протяжении длительного времени» (Шмелев, 1973, 241) и новые наименования все равно в какой-то степени – обусловлены старыми, уже существующими, и место их в лексической системе языка зависит от существующих в ней отношений и закономерностей.

В процессе познания окружающего мира человеку свойственно брать определенный признак из массы имеющихся у объекта, чтобы положить в основу наименования.

Выбор признака – это технический прием номинации, который не детерминирует характер слова (Серебренников, 1977, 170). Содержание выбранного признака не определяет содержание нового слова. Содержание нового слова охватывает все признаки предмета в совокупности, а выбранный признак просто дает название новому слову в силу практически конкретных условий (трудовой процесс, культура, традиции и т.д.) (Колшанский, 1975, 71), но ни в коем случае не определяет будущего слова.

Для номинации неважно – существен выбранный признак или нет – важно, чтобы этот признак имел отношение к данному предмету. Вот почему в основе этимологии слова, иногда лежит несущественный с общепринятой точки зрения признак. Сейчас уже трудно представить себе то, что в основу слова было положено: предмет или признак.

Таким образом «... язык стремится устранить опасность ложной характеристики значения слова, который может возникнуть по той причине, что в основу наименования кладется название какого-либо одного признака, тогда как действительное значение основывается на сумме признаков» (Серебренников, 1977, 173).

В силу того, что выбор признака для наименования не обусловлен закономерностями, выбор этот произволен, в языкознании был сформулирован тезис о случайности характера номинации. «Выбор самого признака называемого факта действительности, который кладется в основу названия, ока-

зывается произвольным, или вернее, более или менее случайным, зависящем от степени существенности» (Амосова, 1956, 26-27).

С помощью данного тезиса и объясняют обычно различия в наименовании одного и того же объекта в одном или разных языках. Очень часто наблюдается совпадение мотивирующего признака в разных и даже генетически далеких друг от друга языках. Это объясняется сходством огромной общественной практики, которое и позволяет людям выделить из массы признаков один и тот же и положить его в основу акта номинации.

На материале исследуемых нами единиц этнографической лексики можно отметить, что в семантике конкретно-предметных существительных наблюдается самая тесная связь лексического значения слова с конкретными свойствами реалии.

Г.В.Судаков отмечает, что «в объем лексического значения конкретно-предметных слов входят в большей или в меньшей степени два показателя конкретных свойств реалии: функция и особенности внешнего вида» (Судаков, 1983, 53).

Основным мотивирующим признаком этнографической лексики в карачаево-балкарском языке является указание на предназначенность для обозначения процесса.

Явление номинации теснейшим образом связано с мыслительной и практической деятельностью людей. Ознакомившись с новым предметом или явлением, человек из массы имеющихся у него признаков выделяет один и использует его для наименования данного предмета.

Каждый предмет имеет множество существенных и несущественных признаков. В сознании человека выделяется лишь один или несколько признаков, поэтому номинация предметов часто носит случайный характер. Но все же выбор мотивировочного признака не является совершенно свободным, он ограничивается различными факторами.

Анализ фактологического материала карачаево-балкарского языка показывает, что большинство этнографизмов мотивировано по 10 основным группам признаков:

1. Номинация по материалу:

1.1. Названия построек: *топуракъбаш юй/жербаш юй / жер юй* «землянка»; *саман юй* «саманный дом»; *чалман юй* «дом из плетня»; *саламбаши юй* «дом, крытый соломой»; *къошунбаш юй* «дом, крытый черепицей»; *таши юй* «дом из камня»; *томуроу/тёнгертке* (карач.) *юй* «рубленный (бревенчатый) дом»; *чалман* «плетень»; *чалдиш*² «клетка для птиц и животных».

1.2. Названия одежды:

а) головные уборы:

бухар бёрк «каракулевая шапка»; *кийиз бёрк* «войлочная шапка»; *жюн бёрк* «шерстяная вязаная шапка»; *окъа бёрк* «женская шапочка, украшенная золотистым галуном»; *кийиз къалтакъ* «войлочная шляпа»; *салам къалпакъ/гетен бёрк* «соломенная шляпа»; *чилле жаулукъ* «шелковый платок»; *пух жаулукъ* «пуховый платок»; *кёрне жаулукъ* «большой шерстяной платок, плед».

б) верхняя одежда:

кёрне/элтир тон «мерлушковая шуба»; *тери тон* «овчинная шуба»; *тыйын тон* « меховая шуба»; *тыйын (уст.) тон* «беличья шуба»; *тюкю тон* «листья шуба»; *чыркъ тон* «шуба из овчины, сшитая из клиньев»; *тышлы тон* «шуба, крытая сукном».

в) обувь:

кийиз уюкъла «войлочные бурки»; *ген чарыкъла* «чуваки»; *кийиз чарыкъла* «войлочные тапочки»; *сахтиян чурукъла* «хромовые сапоги»; *сахтиян чарыкъла/сахтиян месле* «сафьяновые ноговицы».

1.3. Названия пищи и напитков:

В этой тематической группе вместо «материала» нужно, наверное, указывать на компонентный состав:

гыбыт айран «бурдючный айран (залитый в бурдюк и приобретший особый вкус)»; *бал къалач* «пряник» (букв. «медовый калач»); *къууут басхан* «блюдо из толокна заме-

шанное с медом или сладкой водой»; *жалбауур* «печень, обернутая тонким слоем внутреннего жира и поджаренная на вертеле»; *бишлакь бишген* «блюдо, приготовленное из сыра, сметаны и кукурузной муки»; *чабакь шорпа* «уха»; *бишлакь бёрек* «пирожок с сыром»; *картоф бёрек* «пирожок с картофелем»; *эт бёрек* «пирожок с мясом»; *эт хычин* «хычин с мясом»; *бишлакь хычин* «хычин с сыром»; *хумжусу хычин* «хычин со свежим не отжатым сыром»; *чюгюндюр хычин* «хычин со свекольной ботвой»; *мурса хычин* «хычин с крапивой» и т.д.

2. Номинации, связанные с формой, размером, способом строения, приготовления, обработкой реалий:

2.1. Жилище и постройки:

жатма/жапма «постройка в виде навеса, одна сторона которой специально остается открытой (без окон, дверей, ворот)»; *алтымюйюш арбаз* «шестиугольный двор».

2.2. Пища и напитки:

сюзме бишлакь «творог»; *къатыкь*¹ «мясомолочные продукты (заготовленные на зиму)»; *къакь* «вяленое или сушеное мясо»; *къатханла* «сушеные фрукты»; *къаймакь бишген* «каша из кукурузной муки, сваренная в сметане»;

2.3. Утварь:

артмакь «переметная сума, котомка»; *чара табакь* «большая деревянная чаша»;

3. Номинация по морфологии места.

В этих названиях в качестве словообразующих компонентов часто выступают самотизмы - слова, выражающие части тела человека и животного: *билек* «рука (конечность)»; *тобукь* «колено»; *боюн* «шея»; *мангылай* «лоб»; *кьюлакь* «ухо» и т.д.

3.1. Одежда и украшения:

ал бота «передник»; *бууунлукь* «браслет»; *башлыкь* «башлык»; *тобукьлукь* «наколенник»; *билеклик* «нарукавник»; *боюнлукь* «шарф, кашне»; *мангылайлыкь* «налобник»; *боюнчакь* «бусы, ожерелье»; *туйреуюч* «брошка»; *туйме* «нагрудник (нагрудное девичье украшение)».

3.2. Названия пищи и напитков:

кюл гыржын «лепешка, испеченная в золе»; *таба гыржын* «чурек из кукурузной муки, печеный в таба – сковороде»; *таба къалач*, *таба хычин*, *къош къалач* и т.д.

4. Номинация по функции.

Классификация данной группы этнографизмов производится в зависимости от того, для чего применяются в быту, в хозяйстве.

4.1. Жилище и постройки:

кѣтюртме «нары, помост, деревянная кровать»; *орта чигинжи* «основная подпорка сакли»; *жыйгыч* «широкая полка вдоль задней стены дома для складывания постелей»; *тапка* «главная полка (на задней, глухой стене комнаты, куда ставили красивую утварь)»; *билек агъачла* «боковины очага (от пола до дымохода)»; *мулжар агъач* «жердь отделяющая очаг от настила (чтобы солома, сено не распалозалось)»; *жайлыкъ* «летовка»; *къышлыкъ* «зимовье»; *аш юй* «кухня, столовая»; *къонакъ юй* «гостиная».

4.2. Утварь:

элек «сито»; *ашлау* «поднос (в форме корытца)»; *туй-гюч* «колотушка для толчения картофеля»; *жазгыч* «каталка сделанная из твердого дерева»; *къуйгыч* «деревянный совок для муки»; *къыргыч* «терка»; *бѣрек кесгич* «нож с зубчиками (для фигурного резания теста для пирожков)»; *жау ургъуч* «длинная палка с круглой деревянной головкой с отверстиями (для сбивания масла)»; *гыржын агъач* «приспособление для подсушивания лепешек перед допеканием в золе»; *айран ургъуч* «толстый деревянный стержень для взбалтывания айрана»; *къакъгыч¹* «колотушка, теребилка (деталь мельницы)»; *тырнаууч* «борона»; *къаплаууч* «отвал (режущая часть плуга)».

4.3 Одежда и украшения:

башлыкъ «башлык», *боюнлукъ²* «украшение в виде фигурной застежки, пришивавшаяся на кафтанчик или нагрудник», *билезик/ бууунлукъ* «серебряный или золотой браслет».

5. Номинация по цветовым признакам (такая номинация характерна для единичных групп):

акъ жсау «сливочное масло (свежее)», *сары жсау* «топленое масло», *къара биямукъ* «незаправленная похлебка», *акъ тузлукъ* «солёный айран (собираемый на зиму в кадушках)», *кёк тузлукъ* «солёная сыворотка».

6. Номинация, связанная с выражением числовых значений:

беиббармакъ «кушанье из мелко нарезанных кусочков мяса и лапши, политых бульоном»; *беишаш* «название детской игры с пятью камушками»; *ючаякъ* «тренога» (для котла) от *юч* «три» и *аякъ* «нога».

7. Номинация по свойству, качеству реалий:

кёпчек «подушка седла» (*кёп* «опухать, вздуться»); *тузлу гюттю* «игра парней и девушек...»; *тузлу суу* «рассол» (*тузлу* «солёный»); *саяу* «костяное (или деревянное) шило для прокалывания войлока, ткани и т.п.» (*сая* «колоть, вонзать, втыкать»); *къыйма* «колбаса» (*къый* «вырезать, кроить что»); *билгич* «предсказатель, вещун, знахарь» (*бил* «знать»), т.е. тот, кто видит прошлое, настоящее и будущее; *жёрме* «...» (*жёрмеле* «обметывать что, вырезать, кроить что»).

8. Номинации, один из компонентов которых связан с названием возраста или пола, родства человека:

улан нёгер/кюеу нёгер (карач.) «муж сестры жениха, состоящий при женихе в первые дни женитьбы»; *киеу/кюеу нёгерле* (карач.) «дружки, свита жениха, которые сопровождают его в поездке за невестой»; *къыз нёгерле* «лица, состоящие при невесте в первые дни замужества»;

9. Номинация по сходству действий, реалий:

басдырыкъ «жердь для прижимания сена, соломы и снопов на возу»; *гъайытлау* (уст.) «хождение детей, молодежи по домам по окончании мусульманского поста уразы»; *ургъуч* «мутовка»; *ашыра жырна* «обрядовый суп»; *тикгич* «кожаная тесьма (для шитья сбруи, чабуров и т.п.)».

10. Номинация, указывающая на результат действия по внешнему признаку:

ожакъ «очаг», который образуется в результате горения (от *жакъ* «развести огонь»); *чёмюч* «ковш (деревянный) от *чём* – погружаться, нырять».

Таким образом, при формировании этнографической лексики карачаево-балкарского языка использовались следующие типы номинации: за долгую историю ее развития одни из них стали общими для разных видов терминологических систем (например, по сходству), другие – характерны только для этнографических терминов.

Выводы

Фактологический материал карачаево-балкарского языка позволяет выявить и описать различные аспекты этнографической лексики, к которым относятся ее лексико-семантическая стратификация, функционально-семантические особенности и принципы номинации.

В работе этнографическая лексика подразделена на две большие лексико-семантические группы: термины материальной культуры и термины духовной культуры. К лексике, связанной с материальной культурой карачаевцев и балкарцев, отнесены названия построек, предметов домашнего обихода и приспособлений для ведения хозяйства, одежды и украшений, пищи. К терминам, отражающим духовную жизнь, отнесены названия обрядов и обычаев, лексем, связанные с верованиями, термины фольклора и другие.

С функционально-семантической точки зрения этнографизмы разделены на архаизмы, историзмы и неологизмы.

В нашей работе выделены также основные способы и принципы номинации:

а) по функции, б) по материалу, в) номинации, связанные с формой, размером, способом строения, приготовления, г) по морфологии места, д) по цветовым признакам, е) по свойству, качеству реалий, ж) по сходству действий.

В каждом из этих типов могут быть выделены подтипы, виды, группы, подгруппы и т.д. номинации. Вместе с тем, они могут быть подразделены в зависимости от дополни-

тельных факторов. Например, в основе наименований молочных напитков лежит молоко, (основной признак, по которому они объединяются в одну группу), а названия они могут получать:

1) по составу,

2) по способу приготовления (айран),

3) по основным свойствам, приобретаемым в ходе приготовления (къатыкъ, тузлукъ) и т.д.

Таким образом, проанализированная нами этнографическая лексика карачаево-балкарского языка как по семантике, так и по номинации характеризует, с одной стороны, образ жизни и состояние этнокультуры исторического прошлого народа, а с другой, преемственность ее развития.

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ, СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Как отмечают лексикологи, в карачаево-балкарском языке слова образуются следующими способами:

- 1) лексико-семантическим;
- 2) морфологическим;
- 3) синтаксическим;
- 4) морфолого-синтаксическим;
- 5) семантико-морфологическим;
- 6) конверсионным.

Из вышеперечисленных способов в образовании этнографической лексики карачаево-балкарского языка наиболее употребительным является морфологический, хотя лексико-семантический, семантико-морфологический и конверсионный способы тоже занимают заметное место в этом процессе.

3.1. Морфологический способ

Значительное количество слов этнографической лексики образуется посредством аффиксации. Этому способу принадлежит важная роль в образовании описываемых лексем.

Словообразующие аффиксы этнографической лексики в основном свойственны имени существительному вследствие того, что такая лексика возникла большей частью как названия реальных, окружающих человека. Значительным функционально-семантическим потенциалом в образовании указанного пласта лексики карачаево-балкарского языка обладают аффиксы:

1. Аффикс – *лыкь/-лик, - лукь/- люк.*

Семантика слов, образованных с помощью аффикса *лыкь*, очень широка и многогранна. Поэтому есть мнение,

что правомерно рассматривать отдельные формы с этим аффиксом как омонимичные образования. Исходя из положения, согласно которому «при всем разнообразии функций природа аффикса – *лыкь* едина» (Дмитриев, 1948, 67), Н.К. Дмитриев выделил четыре основных значения этого аффикса:

- 1) концентрация отдельных конкретных предметов в каком-либо месте;
- 2) обозначение абстрактных понятий;
- 3) название прибора, инструмента и приспособления;
- 4) значение известной целеустремленности или направленности. Позднее на материале ряда тюркских языков Э.В. Севортян обнаружил еще два значения –*лыкь*: местохранилище и название положения, состояния или обязанности лица (Севортян, 1952, 311).

Из шести значений в приведенном нами материале выясняется, что этнографическая лексика с аффиксом –*лыкь* образуется:

1. От названий некоторых предметов со значением целевой направленности:

а) названия пищи и продуктов:

каклыкь «мука, предназначенная для мамалыги»; *къазылыкь* «конина, предназначенная для изготовления къазы»; *къалжалыкь* «мелкие куски мяса для приготовления къалжа»; *къакълыкь* «мясо, рыба и т.п. предназначенные для вяления»; *къурмачлыкь* «кукуруза для приготовления хлопьев» и т.п.

б) названия предметов одежды и украшений:

гебенекликь «шерсть для изготовления накидки»; *къапталыкь* «материал, пригодный для шитья къаптала»; *башлыкь* «башлык»; *боюнлукь*² (арх.) «украшение в виде фигурной застежки, пришивавшееся на кафтанчик или нагрудник»; *къалтакълыкь* «материал на шляпу»; *белликь* (арх.) «матерчатый пояс, который обычно носили пожилые женщины»; *жегенликь* «материал для изготовления циновки»; *чабырлыкь* «кожа пригодная, достаточная на изготовление чабыра»; *къа-*

ламанлыкь (арх.) «кожа, пригодная для пошива горской охотничьей обуви» и т.п.

в) названия приборов и приспособлений различного характера и значения: *ёгюзлюк* (арх.) «дуга концами вверх, устанавливается на дышле у ярма»; *кьапчыкьлыкь* «цельно снятая шкура овцы, козы, чтобы сделать кьапчыкь»; *гыбытлыкь* «шкура для бурдюка»; *окьлукь* «колчан»; *кьылычлыкь*² «материал для изготовления коромысла»; *кьылычлыкь*¹ «материал для изготовления меча (сабли, шашки); *ёшюнлюк* «нагрудник, нагрудный ремень (в конской сбруе)»; *суулукь* «фляжка»; *четенлик* «материал на корзину»; *тегенелик* «материал для изготовления корыта, колоды»;

г) термины, связанные со свадебными обрядами:

аналыкь «свадебный подарок матери (от жениха или невесты)»; *аталыкь* «подарки, даримые невестой свекру»; *жоллукь* «выкуп за проезд или проход (свадебный обряд)»; *кёргюнчлюк* (карач.) «подарок за смотрины (в честь того, что впервые увидел молодую невесту или новорожденного)»; *киеулюк* «жених, будущий»; *келинлик* «невестка, будущая»; *гинжилик* «принадлежности кукол, которые девушка, выходя замуж, готовит для одаривания детей родственников жениха» и т.п.;

д) термины, связанные с животноводством:

*ёгюзлюк*¹ «бычок, отобранный, чтобы вырастить из него вола»; *атлыкь* «жеребенок, оставленный для верховой езды»; *кюндюзлюк* «навес (для скота)»; *жайлыкь* «летнее пастбище»; *кьышлыкь* «зимнее пастбище»; *биченлик* «сенокосное угодье, луг».

2.Аффикс *-ма /-ме*.

Этот аффикс образует имена существительные от глаголов. Таких этнографизмов в карачаево-балкарском языке немного, и в основном они составляют названия некоторых кушаний и продуктов питания: *жёрме* «род мясного кушанья, изготовленного из нутряного сала, брюшины и кишок»; *жайма* «тонко раскатанное тесто, поджаренное на масле (приготавливают в день стирки одежды покойника и раздают детям)»; *кьууурма* «ковурма (жареное мясо, жаркое, рагу)»;

чырлама «лепешка из дрожжевого теста, жареная в кипящем масле»; *сюзме* «свежеотжатый сыр, творог»; *къыйма* «колбаса из мелко рубленного мяса, заправленного специями и залитого в кишки животного»; *къатлама* «слоеная лепешка (жареная в масле)» и т.п.

3. Аффикс *-чы/-чи, чу/-чу*

Основные значения этого аффикса сводятся к образованию названий деятеля или профессий. Лица в этом случае обозначаются через их отношения к какому-либо предмету или роду деятельности, название которого выражено в производной основе:

аначы «повитуха, женщина, которая принимает роды»; *къашыкчы* «ложечник»; *къартыкчы* (арх.) «лекарь – кровопускатель»; *багыучу* (арх.) «лекарь»; *къыптычы* «стригальщик»; *чегюшчю* «молотобоец»; *чепкенчи* «ткач»; *къаламанчы* (арх.) «умеющий шить охотничью обувь»; *къайишчи* «шорник»; *кюйюзчю* «ковровщик»; *къумгъанчы* (разг.), (арх.) «слуга, служанка, носитель кумгана»; *къазанчы* «повар, кашевар»; *окъчу* (арх.) «мастер по изготовлению стрел, пуль» и т.п.

4. Аффикс *-чакъ/-чек* следует признать достаточно продуктивным в образовании этнографических слов.

По происхождению этот аффикс восходит к самостоятельному слову *чакъ* (Севортян, 1966, 100-103) «количество», «количество времени»; «время»; «возраст» и образует слова – названия различных реалий и при этом в производной основе указывается на подобие предмета, признака, заключенного в производящей основе: *боюнчакъ* «ожерелье»; *минчакъ* «бусы»; *кѣпчек* «седелка»; *ингирчек* «лекарство, изготовляемое из молока и айрана для удаления гноя»; *тюйюмчек* «узел»; *ангырчак* «ленчик» и др.

5. Аффикс *-гъыч/-гич, -гъуч/-гюч*

Подавляющее большинство этнографизмов образованных данным аффиксом – это производные от переходных глаголов. В основном они обозначают различные орудия действия, инструменты, приспособления: *жазгъыч* «каталка, скалка»; *жыйгъыч* «широкая полка вдоль задней стены дома

для складывания постелей»; *жыргыч* «нож (для разрезания кожи)»; *сюзгюч* «цедилка» и т.п.

6. Аффикс *-гъы/-ги, -гъу/-гю* (древнетюркск.- *гъу/-гю, -къу/-кю*). Присоединяясь к глагольным основам этот аффикс образует имена существительные – названия различных инструментов: *тюргю* «стамеска»; *талкъы* «кожемялка»; *аталгъы* «топорик с поперечным лезвием; полукруглая стамеска для долбления ленчика; инструмент для выдалбливания дерева, скобель».

7. Аффикс – *гъа/-ге*.

Этот аффикс, образующий от глаголов имена существительные с разными значениями, среди которых выделяется название инструмента или результата действия, по-видимому, является фонетическим вариантом аффикса *-гъы*, о котором только что шла речь. В карачаево-балкарском языке он сохранился лишь в единичных примерах: *боюнсха* (карач.) «ярмо», *сыргъа* «серьги».

8. Аффикс *-макъ/-мек*.

Популярный в ряде тюркских языков как показатель инфинитива (и в то же время имени действия), в карачаево-балкарском языке этот аффикс продолжает жить лишь в отдельных именах существительных с конкретным значением: *артмакъ* «переметная сума, котомка»; *токъмакъ* «колотушка».

9. Аффикс *-мукъ/-мык*.

Он сохранился в составе единичных образований, обозначающих названия отдельных реалий или конкретных качеств: *биямукъ* «вид мучной каши»; *гырмык* «веревка свитая из травы».

10. Аффикс *-м* (после гласных) *-ум, -ым* (после согласных).

Этот аффикс от глагольного образования имеет значение – название, результат или предмет деятельности: *согъум/союм* «животное предназначенное на убой»; *къалы/къалым* (карач.) «калым, выкуп за невесту».

11. Аффикс *-амта*.

По мнению Н.К. Дмитриева, этот аффикс, образующий от глаголов имена со значением абстрактного действия, является дальнейшим морфологическим развитием аффикса *ам/-ым*.

В исследуемом языке *-амта* сохранился в единичных именах существительных, вроде устаревшего *барамта* «самовольный захват имущества должника с целью вернуть долг».

12. Ниже перечислим слова, которые образованы с помощью непродуктивных аффиксов:

а) *-а*: *уча* «туша барашка, зажаренная целиком (подвешивается над свадебным столом в честь первого посещения зятем дома родителей жены)», *жсяя* «лук (для метания стрел)»;

б) *-ан*: *айран* «айран»; *къазан* «котел»;

в) *-ын/-ин*: *жыйын* «народное собрание»; *келин* «невестка, сноха»;

г) *-укъ*: *къурукъ* «веревка (для сушки белья)»; *басдырыкъ* «гнет (жердь для прижимания сена на возу)»;

д) *-тау*: *жантау* «ремень (для привязывания сена к повозке или вьюка на спину лошади, осла)»;

е) *-дырыкъ/-дурукъ*: *табалдырыкъ/табылдырыкъ* «ремешек, тесьма (кожаная)»;

ж) *-зик*: *билезик* «браслет»;

з) *-мач*: *къурмач* «кукурузные хлопья, воздушная кукуруза (или пшеница)»; *уумач* «кушанье из муки и сыра»;

и) *-на/-не*: *берне* «приданое», *жырна* «джырна (кушанье из сечки, отваренной в воде, вареное зерно кукурузы)»;

к) *-ман*: *батман* «корзина, ящик, улей».

13. В составе этнографической лексики есть также имена действия: *жокълау* «посещение с подарками»; *сарнау* «плач – причитание»; *ашлау* «поднос (большая деревянная чаша из цельного куска дерева)».

Способ аффиксации в образовании этнографизмов имеет две разновидности:

1. Образование от глагола: *жай+ма*, *кён+чек*, *жыр+мы*, *жый+гъыч*, *бер+не*, *уч+а*, *къаз+ан*; от прилага-

гельного: *къаты+къ*, *къуру+къ*. Реже от звукоподражательных слов: *чыкъырт* «тонкий фигурный хрустящий лакум, хворост»; *чырлама* «род лакума».

2. Внутреннее образование, т.е. словообразование в кругу одной части речи. Например, от имени существительного: *тиш+мек* «лепешка, печенье (жареные в масле)», *ана+лыкь* «свадебный подарок матери (от жениха или невесты)», *боюн+чакь* «бусы, ожерелье», *ана+чы* «повитуха, женщина которая принимает роды».

14. Образование этнографической лексики посредством композиции.

Композит – это сложный двуединый корень или сложная основа. С этой точки зрения, в составе сложного слова должен обязательно находиться композит, т.е. два корня или две основы, однако не всякие две основы составляют композит.

Компоненты, входящие в состав сложного слова, не допускают, за крайне редким исключением, своего дословного перевода, и общее значение всего композита в целом не может быть выведено путем механического сложения из суммы отдельных значений его частей. Так, сложное слово *жалбауур* в дословном переводе на русский язык означает *жал* < *жау* «жир» + *бауур* «печень». На самом же деле его нужно понимать как «блюдо (печень, обвернутая тонким слоем внутреннего жира и поджаренная на вертеле)». В этнографизмах, образованных при помощи синтаксического способа, явно ощущается возникновение их из словосочетаний. В них утрачивается синтаксическая связь между элементами сочетания, ослабевают, приглушаются или даже совсем исчезают основные лексические значения компонентов и возникает тенденция к восприятию сочетания как единого семантического целого, как одного слова.

Этнографизмы *ат жашырыу* «сокрытие имени»; *юй къач* «честь дома» являются свободными словосочетаниями.

Однако эти сочетания, будучи этнографизмами, означают обычаи: 1)обычай произнесения имени (невестка не называет по имени мужа и родственников старше мужа по

возрасту)»; 2) подарки в день свадьбы (от родителей невесты родителям жениха в честь их дома, очага).

15.Сложение основ (сращенные существительные).

Такие этнографизмы содержат опорный второй компонент – существительное и предшествующую ему основу определительного, уточнительного, конкретизирующего характера. В качестве первого компонента выступают основы следующих частей речи:

1. Существительные: *жал* (< *жау*) + *бауур* “кушанье, приготовляемое из сбая”; *кьой* + *бермез* “детская игра”; *жау* + *урун* (< *орун*) “лопатка, лопаточная кость” и др. Иногда компоненты сращенных имен существительных теряют свои отдельные морфологические показатели, в частности аффиксы принадлежности: *сабантой* “сабантуй, национальный праздник” (*сабан той* “свадьба пашни”). Понятие выраженное сращенным именем существительным, не является простой суммой значений компонентов, хотя в основе их лежит смысл этнографических слов. Например: *сабантой* (см. выше); *беш бармакь* “национальное блюдо” (букв. “пять пальцев”); *кьойбермез* “букв. “овцу не даст”). Некоторые сращенные имена существительные настолько изменились, что их первоначальное значение восстанавливается с трудом; *билезик* “браслет” (< *билек жюзюк* “перстень запястья”).

2. В качестве первого компонента выступает основа прилагательных или причастий: *кьарасаут* “чернь, узор (на серебре)”; *кьачхантоп* “лапта (игра)”.

3. Первый компонент выражен именем числительным: *бешбармакь* “национальное блюдо”; *ючаякь* “тренога, треножник (для котла)”; *бешташ* “название детской игры с пятью камушками”.

3.2. Лексико-семантический способ

Согласно лексико-семантическому способу слова создаются в результате изменения их значений, потери связи между основным и переносным значениями. В состав этнографической лексики исследуемого языка входит значитель-

ное количество этнографизмов, возникших вследствие изменения значений слов. Например, *сый* «почет, уважение», «подарки в виде продуктов, вещей, скота, посылаемые домом жениха в дом невесты после свадьбы»; *аш* «пища, еда» в качестве этнографизма употребляется в значении «поминки, тризна» (рел.); *келечи* «представитель» - в значении «сват, сваха, сводник».

Такие слова употребляются не только в основном значении, но и в дополнительных значениях (в зависимости от цели высказывания), выясняющихся в контексте в зависимости от словесного окружения. Например, слово *къатыкъ* «подлива, поджарка, приправа, жидкое (к хлебу, сухой еде)», кроме своего основного значения, употребляется в качестве этнографизма в следующих значениях: балкарское национальное блюдо, приготовленное из муки и сыра; молочные продукты (заготовленные на зиму); на карачаевском «кукурузная лепешка (испеченная на сковороде)».

Как видно, процесс изменения развития значений приведенных слов различен.

В данном языке нередки случаи обособления терминологического значения слова от основного его значения и образования омонимов, например:

къалжа «груда, куча» (карач.) и *къалжа* «кушанье приготовленное из мелко нарезанного мяса» (балк.кул.);

акъсакъал «старик, старец» и *акъсакъал* «персонаж народного театра» (карач. этн.);

гебенек «мотылек» и *гебенек* «войлочная накидка с капюшоном (обычно пастушья одежда);

кюбе «кольчуга, панцирь, латы» и *кюбе* «женский кафтанчик (типа корсажа)» и т.п.

3.3. Конверсионный способ

При этом способе образования этнографической лексики некоторые слова теряют свое первоначальное лексическое значение и меняют грамматические формы и признаки, и в результате появляются новые лексические единицы со свой-

ственными лексико-семантическими значениями и грамматическими признаками. В языкознании этот способ словообразования называется по-разному: морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический, лексико-грамматический, конверсия, транспозиция (Мешков, 1976, 120-140, Ахманова, 1966, 2002, 460-461; Шанский, Тихонов, 1981, 65, Немченко, 1984, 115-118; Моисеев, 1987, 120 и др.)- русисты (Юлдашев, 1970; 1972, 230-265; 1977; Ганиев, 1974, 35-36; Тумашева, 1978, 16; Хабичев, 1989, 27 – тюркологи). Поскольку при этом способе слова образуются путем перехода слова из одной части речи в другую, считаем целесообразным назвать его *конверсией* или *конверсионным способом*.

Можно выделить следующие разновидности:

В существительные конвертируются, как правило, прилагательные и глаголы изредка звукоподражания:

акь «молочные продукты» (от *акь* «белый»); *талкьы* «мялка» (от *талкьы* «мять»); *той* «свадьба» (от *той* «наедаться»); *акьсакьал* «персонаж народного театра» (от *акьсакьал* «белобородый»); *зынгырдауукь* «одно из золотых или серебряных украшений в виде лепестков, которые женщины носили на груди» (от *зынгырдауукь* «звонкий, звучный, громкий»); *хыбырт*, *чыкьырт* «вид домашних пончиков» (от *хыбырт* – подражание шуршанию, *чыкьырт* – подражание треску) и др.

3.4. Семантико-морфологический способ

По данному способу этнографизмы образуются путем лексикализации грамматических форм слов и словосочетаний.

Лексикализуются некоторые формы имен действия (*кьадау* «щеколда, засов» от *кьадау* «засовывание»), *сарнау* «плач-причитание» от *сарнау* «оплакивание, рыдание»), причастий (*сыргьан* «стеганка» от *сыргьан* «стеганный», *басдырыкь* «гнет (жердь для прижимания сена на возу)» (от *басды-*

рыкъ < *басдырлыкъ* «кто, что прижмет), желательного наклонения (*чапхын* «ревматизм» (от *чапхын* «чтобы ты побежал»), *къуугъун* «тревога, клич, набат, набатный зов» (от *къуугъун* «чтобы ты гнал кого – что, гнался за кем – чем»).

Большинство этнографизмов, образованных семантикоморфологическим способом, являются лексикализованными словосочетаниями.

Как известно, словосочетание состоит из двух и более знаменательных слов, соединенных на основе подчинительной связи (управления, согласования, примыкания); в нем обязательно наличие грамматически главенствующего и зависимого членов, между которыми устанавливаются различного рода отношения. Этнографические словосочетания выполняют функцию, характерную для отдельного слова, и по степени семантической спаянности компонентов разделить их на свободные и несвободные очень трудно.

По составу и соотношению компонентов словосочетания принято делить на простые и сложные. Простым считается словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов. Соответственно сложным можно назвать такое словосочетание, которое включает в себя три и более членов. Этнографизмов, образованных из простых словосочетаний в карачаево-балкарском языке довольно много:

бауур агъач «передний вал ткацкого станка»;

юй иеси «домовой»;

жюзюк букъдуруу «игра с прятанием кольца и его поиском»;

агъач киши «покровитель лесов»;

алтымюйюш арбаз «шестиугольный двор»;

ат жашырыу «обычай произнесения имени»;

ал атлам «торжества по случаю первого шага ребенка»;

атланган аякъ «прощальный тост перед дорогой, пошонок»;

мюйюш жабыу «занавеска (в углу комнаты, за которой стояла невеста во время свадьбы)»;

гыржын агъач «приспособление для подсушивания лепешек перед допеканием в золе»;

ашхын сохта «начиненный особым фаршем желудок (мясное блюдо)»;

къач чырча (ц.диал.) «почетный подарок в виде чаши, наполненной разными лакомствами, пряностями и предметами легкого туалета»;

итлик кёлек «первая рубашка младенца (ее надевают на новорожденного сроком на сорок дней)»;

неках сыи «подарки, которые приносят со стороны жениха в дом невесты при помолвке» и т.п.

Примерами этнографизмов, образованных от сложных словосочетаний, могут служить следующие лексемы:

келинни юйге кийириу «обряд введения невесты в дом» (от *келинни юйге кийириу* «ввод невесты в дом»);

бёрю аууз байлау «обряд заговаривания волка, чтобы он не забрал заблудшую скотину» (от *бёрю аууз байлау* «заговаривание волка»);

киеу кёрюне барыу «обряд посещения зятем дома жены» (от *киеу кёрюне барыу* «посещение зятем родительского дома жены») и т.п.

По грамматически главенствующему члену словосочетания делятся на именные и глагольные. Именные словосочетания подразделяются на атрибутивные, притяжательные и объектные.

В атрибутивных этнографических словосочетаниях с качественным или количественным определением связь между компонентами осуществляется путем их расположения. В зависимости от характера определяющего члена простые именные этнографизмы имеют следующие структурные разновидности:

1. Существительное в функции прилагательного + существительное. Оба компонента таких этнографизмов выступают в форме основного падежа:

агъач киши «леший, покровитель лесов»;

асма таиш «камушек, амулет (носят на шее, якобы для предохранения от скарлатины)»;

бал аякъ «чаша с медом (или с другим специальным напитком, которое преподносится старейшим во время церемонии бракосочетания)»;

окъа бёрк «женская шапочка, украшенная золотистым галуном»;

къоз бёрк «игра во время торжеств по поводу рождения ребенка: шапка с грецкими орехами и сувенирами для девушек подвешивается на высокий столб, парни смельчаки должны ее достать, поднявшись по ремню, смазанному жиром»;

боза аякъ «чаша с бузой (которую поднимает старейший, благославляя новобрачных)»;

билек агъач (а) деталь очага, б) деталь ткацкого станка»;

мюйюш жабыу «занавеска (в углу комнаты, за которой стояла невеста во время свадьбы)»;

тобукъ жастыкъ «подушечка из детского приданого на колени ребенка для того, чтобы у него не сгибались ножки, когда его привязывают к колыбели»;

ау жаулукъ «шаль новобрачной (ею покрывают невесту перед тем, как ввести в комнату родителей мужа)»;

кюз ай «название осеннего месяца в караево-балкарском календаре – сентябрь»;

мухур хакъ «плата аксакалу (персонажу народного театра) за печать на мнимом документе, дающем право идти (ехать) мимо [его] группы косарей»;

къууукъ минчакъ «бусина (обычно янтарная, пришивалась к одеяльцу люльки, якобы для облегчения мочеиспускания ребенка)»;

талкы тил «подвижная деталь кожемялки»;

чепкен агъач «ткацкий станок»;

кюмюш белибау «серебряный пояс (обязательный в традиционном мужском наряде)»;

юй къач «подарки родителей невесты в честь дома (семьи) жениха в день свадьбы» и т.п. Определяющий член может обозначать материал, возраст определяемого предмета, и перестановка компонентов недопустима.

Притяжательные именные словосочетания

2. Существительное в форме неоформленного родительного падежа + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица (2-й изафет):
суу иеси «водяной (хозяин воды)»,
стол ахчасы «(деньги стола) деньги на свадебные расходы»;
юй иеси «домовой».
оьк тасмасы «вознаграждение за меткий выстрел» и т.п..

3. Прилагательное + существительное:
алтымюйюш арбаз «шестиугольный двор»;
тузлу гюттю «маленькая лепешка, запеченная внутри с солью (использовалась на вечеринках молодежи, съевшей или съевшему ее снился суженый или суженая»;
жангыз терек «одинокое дерево на берегу реки Хурзук (которому поклонялись карачаевцы в период язычества и даже после принятия мусульманства)»;
гебенчи ёгюзле «волы на которых свозили копны для стога»;
зыккыл теке «шут, ряженный»;
итлик кёлек «первая рубашка младенца»;
къара тюлкю «талисман, оберегающий богатство и достаток»;
жарым чалгычы «косарь – подросток (букв. полкосаря)»;
толу чалгычы «взрослый – косарь (букв. полный косарь)» и т.п.

Глагольные словосочетания

Глагольные словосочетания можно разделить по форме глагола на простые и сложные.

В наших примерах преобладают простые глагольные словосочетания с управляемыми именами.

Глагольные словосочетания образуются по двум моделям:

1. Причастие + существительное:

атланнган аякъ «прощальный тост перед дорогой, по-сошок»;

кёчер агъач «ось (арбы)»;

бишлакъ бишиген/ биширген «блюдо из сыра, сметаны и кукурузной муки» и т.п.

2. Существительное + имя действия:

ат жашырыу «обычай непроизнесения имени (невестка не называет по имени мужа и родственников старше мужа по возрасту)»;

бёрк алыу «обычай срывания шапки (после свадьбы, во время первого прихода зятя в дом родителей невесты кто-либо из молодых родственников невесты может сорвать шапку с головы жениха, за что дружки жениха должны дать выкуп)»;

гыты урлау «обычай похищения грибка (обычай – табу, по которому нельзя передавать зерна грибка другому хозяину, чтобы не рассердить злого духа)»;

къыз кёрюу «обычай смотра невесты, смотрины»;

къыз къачырыу «обычай умыкания девушки»;

тил тутуу «обычай молчания (запрет невестке разговаривать со старшими родственниками мужа до их ритуального разрешения)»;

келин келтириу «обычай доставки невесты в дом жениха»;

келинни ачыкъ этиу «обряд знакомства невесты с родней жениха»;

келинни юйге кийириу «обряд ввода невесты в дом (на второй или третий день свадьбы вводят новобрачную в дом родителей жениха, чему посвящается специальный обряд)» и т.п.

3.5. Структурные особенности этнографической лексики карачаево-балкарского языка

Этнографизмы по структуре подразделяются на простые, сложные и составные.

Простые этнографизмы могут быть корневыми и производными.

Корневые этнографизмы – это этнографизмы, с точки зрения современного языка, без словообразующих аффиксов: *аякъ*(2) «деревянная подставка для низкорослых (знатных) девушек», *адет* «адат, обычное право нормы обычного права», *ашлау* «поднос (в форме корытца, на нем в старину подавали мясо, еду)», *белги* «подарок девушки парню (в знак согласия стать его женой)», *неках* «бракосочетание (по мусульманскому обряду)», *той* «свадьба», *кепис* «кепис (серебряные застежки-пластины на рукавах девичьего платья; драгоценные подвески на серьгах, на поясе и т.п.)», *кямар* «кямар (женский пояс из серебра, отделанный чернью или филигранью)», *къыйма* «къыйма (колбаса из мелкорубленного мяса, заправленного специями и залитого в кишки животного)», *мет* «украшение ромбовидной формы из серебра и кожи с галуном (обычно на вороте бурки)», *сьи* «подарки в виде продуктов, вещей, скота (которые посылает дом жениха в дом невесты после свадьбы)», *тахта* «боковая ниша на дне могилы (для покойника)», *тауке* «тауке (слуга аксакала в народной театрализованной игре)», *токъал I* «первая жена по отношению к последующим», *тырхык* «заваленка (вдоль стены снаружи и внутри дома, где могли сидеть, ставить ведра, котлы и т.п.)», *хычауман* «название весеннего месяца в карачаево-балкарском народном календаре» и т.д.

Есть такие корневые этнографизмы, которые с точки зрения истории языка образованы из двух и более смысловых частей, но в настоящее время они слились в неделимые морфемы. Таковы, например, этнографизмы, состоящие в своей основе из двух частей, постепенно превратившиеся в неделимое слово: *айран* «айран»; *балдыз* «свояченица»; *билезик* «браслет»; *келин* «сноха» и т.п.

Особую разновидность представляют этнографизмы, которые не могут быть разделены даже с исторической точки зрения: *тукъум* «род, фамилия», *къалын* «калым, выкуп за невесту».

Каждый из компонентов подобных этнографизмов, основанных таким образом, с точки зрения современного состояния не выражает самостоятельного значения.

Производными этнографизмами называются слова, образованные при помощи аффиксов. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка дифференцирована по степени продуктивности и непродуктивности аффиксов, участвующих в образовании описываемых нами лексем в 3.3.

Весьма интересно отметить, что в карачаево-балкарском словообразовании как и в целом в тюркском, аффиксы присоединяются без всяких ограничений к словам разного происхождения – тюркским, арабским, персидским.

Например, слово *элек* «сито», как отмечает Э.В. Севортьян, является производным от глагольной основы с основным значением во всех тюркских языках «просеивать» (Севортьян, 1, 263). Также лексема *оймакъ* «наперсток», по Севортьяну, производная, образованная с помощью аффикса – *макъ* в инструментальном значении от глагола *ой* «выдалбливать».

Многие этнографические термины имеют формы сложных слов. Сложные термины по структуре разделяются на собственно сложные, парные и повторы. Собственно сложные образуются путем словосложения:

сабантой «сабантуй» (национальный весенний праздник);

Парные слова образуются путем употребления семантически связанных между собой двух слов. Они в языке возникли вследствие необходимости внести в значение одного из составляющих компонентов конкретизацию или дополнение.

Например:

тюп-баш «приданое»;

бериу-алыу «преподнесение подарков родственниками жениха и невесты друг другу».

Наименования – повторы образуются путем повторения (редупликации) образоподражательных слов.

Вследствие приобретения конкретного значения компоненты таких лексем уже не ощущаются как подражательные слова: *чыкьырт*², *хыбырт* «вид домашних пончиков».

Выводы

Грамматический анализ собранного материала показывает, что

1) основную массу слов, относящихся к этому пласту, составляют имена существительные и глаголы. Встречаются среди них также слова, относящиеся к именам прилагательным и числительным;

2) этнографизмы по структуре подразделяются на

а) однокоренные (простые и оформленные аффиксами);

б) состоящие из двух или более корней (сложные, парные, слова–повторы);

в) словосочетания (составные).

3) в образовании этнографических терминов при помощи аффиксов участвуют общие для всей карачаево-балкарской лексики аффиксы. К продуктивным можно отнести аффиксы – *лыкь/-лик*, *-лукь/-люк*, *-чы/-чи*, *-чу/-чю*, *-гъыч/-гич*, *-гъуч/-гюч*, *-чакь/-чек*, к непродуктивным – *гъа/-ге*, *-мукь/-мык*, *-ум/-ым*, *-дырыкь/-дурукь*, *-зик*, *-на/-не*, *-ан*, *-ын/-ин*;

4) в образовании этнографических терминов участвуют не свободные словосочетания, а так называемые композиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексикология является относительно молодым разделом карачаево-балкарского языкознания. В настоящее время она занимает важное место в системе других разделов лингвистики, являясь одной из продуктивно развивающихся отраслей науки о языке.

Становление карачаево-балкарской лексикологии относится ко второй половине двадцатого столетия. Она базируется на двух фундаментальных теоретических положениях, сформулированных в работах крупнейших представителей языкознания предшествующего периода – Ф.Ф. Фортунатова, И.А.Бодуэна де Куртенэ, А.А.Шахматова, М.М.Покровского и др. Это были идеи социальности языка и его системности. Данные положения, безусловно, относятся к общей теории языка, но имеют весьма важное значение для лексикологии, поскольку именно в области лексики единство данных характеристик языка проявляется особенно ярко.

Социальность и системность языка неразрывно связаны. Они предопределяют наличие в языке двух аспектов: внешнего, социолингвистического, и внутреннего, системно-семасиологического. Объектом лексикологии в словарном составе языка выступают прежде всего те стороны, что обусловлены факторами экстралингвистического, социально-исторического характера. С другой стороны, с точки зрения семасиологии необходимо обращать внимание на такие проявления системности, как лексико-семантические группы слов, виды семантических и формально-семантических оппозиций слов. Возможность такого двустороннего подхода к анализу языковых фактов дает и этнографическая лексика карачаево-балкарского языка.

Сбор, систематизация и научное изучение этнографической лексики является одной из актуальных проблем тюркской лексикологии и лексикографии.

Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка представляет собой один из богатых лексических пластов, корни которого уходят в необозримую древность доистори-

ческих времен. Национально-маркированная лексика, закодировавшая всю историю, философию, психологию народа, отражает ход развития культуры, изменения в общественной и духовной жизни карачаевского и балкарского народов.

Лингвистический анализ, а также изучение и освещение в лексикографическом аспекте этнографической лексики карачаево-балкарского языка имеет теоретическое и практическое значение. До настоящего времени этнографическая лексика карачаево-балкарского языка не была объектом лексикологического исследования. В данной работе впервые проведено системное изучение лексики, связанной со спецификой карачаевцев и балкарцев. Анализ этнографической лексики по двум основным лексико-семантическим группам (лексика материальной культуры; лексика духовной культуры, которая в свою очередь подразделяется на множество подгрупп) позволяет установить природные условия, в которых проходила жизнь социума, его основные занятия, особенности хозяйства, жилища, древнейших верований, психологию народа. Слова и термины, отражающие быт, нравы и т.д. не являются узкоспециальными, они обладают широким семантическим спектром. По ним можно составить более полное представление о карачаевцах и балкарцах, их культурно-бытовом облике, нравственно-эстетических воззрениях и навыках.

На основе собранного фактологического материала нами проведен структурно-морфемный анализ этнографических терминов и определены наиболее широко употребительные приемы и средства их образования. Наиболее продуктивным способом образования этнографической лексики карачаево-балкарского языка является аффиксация.

Аффиксы, образующие этнографизмы, отличаются друг от друга своим функциональным потенциалом. В процесс слово- и смыслопроизводства больше всего вовлечены такие морфемы, как *-лыкь(-лик, -лукь, -люк)*, *-чы (-чи, -чу, -чю)*, *-гъыч (-гич, -гъуч/-гюч)* и др. Менее продуктивны при этом аффиксы *-а, -ман, -на/-не* и др. Имеют место также и

такие способы словообразования, как конверсия, лексико-семантический способ и композиция.

С точки зрения структуры этнографизмы подразделены на простые, сложные и составные. В их образовании участвуют различные части речи – имена и глаголы.

В современных исследованиях по лексике встает проблема языковой номинации и отражения картины мира в языке. Информацию о системе представлений человека о мире содержат лексические единицы, раскрывающие особенности видения мира и отображающие результаты познавательной деятельности индивида. Представления лица об окружающей действительности формируют основу его системы ценностей. Этнографическая лексика, как одна из лексических микросистем языка, наглядно показывает сознательную и целенаправленную объективацию внешнего мира человеком.

Выбор наименования предмета обуславливается не только отношением к нему человека, но и историческими, географическими, культурными и другими факторами. Исследование этнографических терминов позволяет проследить, каким образом разные свойства окружающей действительности отражаются в сознании людей в виде образа или картины мира, закрепляя этот образ в языковых формах. Указанные лексемы занимают важное место в сознании человека. Данная лексика является своеобразной кладовой эстетических эталонов и культурных стереотипов в языке.

Исследование данного пласта лексики с точки зрения языковой номинации показало, что все наименования мотивированы по определенным признакам. В нашей работе выделены следующие способы и принципы номинации: по материалу; по форме, размеру, строению, приготовлению; по функции; по морфологии места, по цветовым признакам; по свойству, качеству реалий; по сходству действий. В каждом из этих типов могут быть выделены подтипы, виды, группы номинаций.

В нашей работе рассмотрены вопросы отношения лексики к литературному языку, дана характеристика этнографизмам с функционально-семантической точки зрения.

В процессе развития языка ряд этнографических терминов подвергся архаизации, некоторые же из них стали историзмами, которые связаны с реалиями, имевшими место в историческом прошлом. Указанный процесс предопределяет также появление этнографизмов-неологизмов. Это позволяет рассматривать этнографическую лексику с позиции ее активного и пассивного запаса. Таким образом, этнографическая лексика, как и лексика в целом, является подвижной частью языковой системы и постоянно развивается. С одной стороны, наблюдается ее обновление, которое направлено на удовлетворение растущих потребностей общества в новых номинациях. С другой стороны, предполагается и старение некоторых элементов этой системы, их замена или выход из употребления.

Таким образом, углубленное и всестороннее исследование этнографической лексики имеет важное значение для разработки проблем этногенеза, истории карачаево-балкарского и других тюркских языков, истории тюркских народов, их контактов между собой и с другими народами, а также при изучении общих вопросов языковых контактов, теории языка и номинации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В.И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев (из материалов балкаро-карачаевской экспедиции Академии наук СССР, 1930-1931 гг.) // Язык и мышление. – Л., 1933, I.
2. Абдуллаев Ф.А. Арабизмы в узбекском языке. Дис... канд.фил.наук. – Ташкент, 1945.
3. Азербайжанча – русча этнография терминлари лугати, - Баку, 1987. – 72 с.
4. Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). – Черкесск. 1963.
5. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. – Черкесск, 1963.
6. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 318 с.
7. Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского вedomства. Собр.соч. в 3 т. – Алма-Ата, 1976. Т.2. – С.13-32.
8. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава английского языка. – М., 1956. – 218 с.
9. Антадзе Ф.К. Лексико-семантическая и словообразовательная характеристика наименований одежды и тканей в персидском языке. – Тбилиси, 1987.
10. Апажев М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский язык. - Нальчик, 1963.
11. Апресян Ю.Д. Избранные труды, Т.1. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
12. Апресян Ю.Д. Избранные труды, Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
13. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т.58. - №4. С.35-53.

14. Асамутдинова М. Название одежды и ее частей в узбекском языке. Дис... канд.филол.наук. – Ташкент, 1970. – 223 с.
15. Асанов Ю.Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев во второй половине XIX – 40-х годах XX века. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1972. – 20 с.
16. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
17. Ахманова О.С. Фонология, морфонология, морфология. – М., 1966. – 108 с.
18. Ахматов И.Х. Инструкция для составления «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка» (в 3-х т.). – Нальчик, 1976. – 51 с.
19. Ахматов И.Х. Карачаево-балкарский язык. Конспект лекций. – Нальчик, 1988. – 70 с.
20. Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. - Уфа, «Китап», 1994. – 112 с.
21. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981. – 144 с.
22. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1989. – 200 с.
23. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. – М.: Наука, 1978. – 278 с.
24. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка в 17 т. – Казань – Чебоксары, 1928 – 1950.
25. Бабаев С.К. К вопросам истории языка и религии балкарского и карачаевского народов. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 248 с.
26. Бабаев С.К. Осетинско-карачаево-балкарские лексические параллели // Шуёхлукъ, 1972, №1 (балк.яз.).
27. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков, структура слова и механизм агглютинации. - М., 1979. – 274 с.
28. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М., 1988. – 208 с.

29. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М., 1985.
30. Баскаков Н.А. Этнографическая лексика и терминология в национально русских словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С.236-249.
31. Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152с.
32. Башиева С.К. Вариантность в карачаево-балкарской фразеологии // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. –Нальчик, 1993. – С.50-58.
33. Башийланы С.Къ., Жарашыулары З.Къ. Малкъар тилни школ фразеология сёзлюгю. – Нальчик: Эльбрус, 1994.- 316 б.
34. Баязитова Ф.С. Термины календарных обычаев и народных верований в говорах крещеных татар // Лексика и стилистика татарского языка. - Казань, 1982. – С.59-66.
35. Баязитова Ф.С. Традиционные обряды и народные верования молькеевских кряшен на фоне диалектов языка // Молькеевские кряшены. – Казань, 1993. – С.142-156.
36. Бегжанов Т. Заметки об этимологии скотоводческих терминов в каракалпакском языке // Советская тюркология. – 1980. - №4. – С.85-89.
37. Белицер Б.Н. Одежда башкир // Крестьянская одежда населения Европейской России. – М., 1971.
38. Белоусова А.С. Предметная лексика в словаре как отражение истории культуры и быта народа // Теория языка и словари. – Кишнев, 1988. – С.45-48.
39. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 128 с.
40. Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. – М., 1981. – 124 с.
41. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание

- Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик, 1974.
42. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 384с.
 43. Бозиев А.Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1965. – 88 с.
 44. Большая советская энциклопедия. – М., 1978. – Т.30. – 892 с.
 45. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – СПб.. 1869. – Т.81. – С.180-190.
 46. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. - СПб., 1869-1871 гг. Т.1-2.
 47. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М.: «Просвещение», 1965. – 492 с.
 48. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. – М.: Наука, 1983. – 262 с.
 49. Будаев А.Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, Вып.7. - Нальчик, 1973.
 50. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
 51. Бурганова Н.Б. К вопросу о формировании земледельческой лексики в татарском языке // Лексика и стилистика татарского языка. – Казань, 1982. – С.45-51.
 52. Валиханов Ч.Ч. О формах казахской народной поэзии. Собр.соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1984, Т.1. – С.280-286. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. Там же. Т.4. – С.35-39. О киргиз-кайсацких могилах и древностях вообще. Там же. – С.130-197.
 53. Васильев Л.П. Теория семантических полей // Вопросы языкознания, 1975, №5. - С.25-32.

54. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – I–XIII,– 780 с.
55. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
56. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., Русский язык, 1980.
57. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
58. Ворокова Н.У. Этнокультурная специфика устойчивых оборотов. – Нальчик, 2002, 154 с.
59. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков XIX – XX вв. – Махачкала, 1960.
60. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX в начале XX в. – М., 1976.
61. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967.
62. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. – Чебоксары, 1969. – 228 с.
63. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
64. Ганиев Ф.А. Конверсия в татарском языке. – Казань: Татар.кн. изд-во, 1985. – 110 с.
65. Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. – 231 с.
66. Ганиев Ф.А. Фонетическое словообразование в татарском языке. – Казань, 1973.
67. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка. – Уфа, 1998. – 180 с.
68. Гаффарова Ф.Ф. Татар телендә игенчелеккә бэйләнешле борангы торки лексика // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 1992. – С.128-129.

69. Геляева А.И. Словоизменительная и словообразовательная функции залоговых аффиксов в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 128 с.
70. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. - СПб., 1776. Ч.2.
71. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис (на карач.-балк.яз.). – Нальчик: Эльбрус, 1966. – 400 с.
72. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. – Нальчик:Эльбрус, 1976. 572 с.
73. Гузеев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 160 с.
74. Гузеев Ж.М. Семантическая разработка слов в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 194 с.
75. Гузеланы Ж.М. Бусагъатдагъы къарачай-малкъар литература тил. 1-чи кесеги. – Нальчик: Эльбрус, 1998. 304 б.
76. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т.4. – 683 с.
77. Даниленко В.П. Русская терминология. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
78. Даниленко В.П. Ономаσιологическое направление в грамматике. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – 348 с.
79. Дегтярев Г.А. Лексика земледелия в чувашском языке. – М., 1987.
80. Джафаров Г.О. О системе терминов родства в азербайджанском языке // Известия Академии наук Азербайджанской ССР, 1970, №3.
81. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. – Фрунзе, 1960. – 40 с.
82. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1991.

83. Дильмухаметов М.И. О свадебных терминах башкирского языка // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Уфа, 1994. – С.41-50.
84. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М.: Восточная литература, 1962. – 607 с.
85. Дмитриева Л.В. Тюркские этимологии // Языки народов Сибири // Труды Кемеровского государственного университета. - Кемерово, 1978.
86. Древнетюркский словарь. Издательство «Наука». – Л., 1969.
87. Дуйшеналиева Т. Киргизские народные термины животноводства. Дис...канд. филол. наук. – Фрунзе, 1969. – 256 с.
88. Дьячков-Тарасов А. Заметки о Карачае и карачаевцах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1898, вып.25 (СМОМПК, 1898).
89. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. - Чебоксары, 1964. – 356 с.
90. Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства // Исследования по этимологии чувашского языка. - Чебоксары, 1981.
91. Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства // Исследования по этимологии чувашского языка. - Чебоксары, 1983.
92. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.
93. Жанпеисов Е.Н. Историко-этимологические заметки // Известия АН Каз. ССР. Сер.филол., 1980. №1.
94. Жанпеисов Е.Н. Этнокультурная лексика казахского языка. – Алма-Ата, 1983. – 285 с.
95. Жаппуев А.А. Термины земледелия в карачаево-балкарском языке. Дис... канд.филол.наук. – М., 1974. – 233 с.
96. Жилкубаева А.Ш. Термины питания в казахском языке. Автореф. дис... канд.филол.наук. – Алма-Ата, 1991. – 22 с.

97. Зайнуллина Л.М. Ономазиологические исследования лексики пчеловодства в башкирском языке. Автореф. дис... канд.филол.наук. – М., 1987. – 25 с.
98. Зейналов М.А. Бытовая лексика в диалектах и говорах азербайджанского языка. – Баку, 1982.
99. Ибрагимов С.И. Профессиональная лексика узбекского языка. Дис... докт.филол. наук. – Ташкент, 1960. – 476 с.
100. Ибрагимов Х. Древнетюркские названия животных в лексике современных тюркских языков. Дис... канд. филол. наук. – М., 1975. – 203 с.
101. Икрамова Н.М. Узбекская кулинарная лексика. Дис... канд. филол. наук. – Ташкент, 1983. – 168 с.
102. Исаев Н.Г. Термины родства в цахурском языке (по данным речи сел. Калял) // Отраслевая лексика дагестанских языков. Материалы и исследования. - Махачкала, 1984.
103. Исмаилов Н.А. К этимологии названий предметов домашнего хозяйства в тюркских языках // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата, 1990. – С.92-94.
104. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. - М.: Наука, 1967. Т.1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1967 (ИКБ, 1967).
105. Исхаков Ф.Г. Наблюдения по лексике тюркских языков // Историческое развитие тюркских языков. – М., 1961.
106. Исянтаев Н.И. Марийско тюркские языковые контакты. – Йошкар-Ола, 1988. – 176 с.
107. Ишбердин И.Ф. Обзор земледельческой лексики башкирского языка // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Уфа, 1994. – С.18-22.
108. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. – М., 1966. – 152 с.

109. Ишбердин Э.Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Уфа, 1970.
110. Казем-Бек А. Грамматика турецко-татарского языка. – Казань, 1839. – 528 с.
111. Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина – батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Известия АН Каз.ССР. Сер.обществ. 1973. №6.
112. Кайдаров А.Т. Этнолингвистика. Билим жэне енбек. 1985. №10. – 20 с.
113. Караулов Н.А. Болкары на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1908, вып.38.
114. Карачаево-балкарско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.
115. Карачаевцы: историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1978 (Карачаевцы, 1978). – 336 с.
116. Касимов С. Казак халкынын коленири. 2 бас. – Алматы, 1969.
117. Кашгари М. Девону лугат ит турк. Т.2. – 1963. – С.168-169.
118. Керейтов Р.Х. Терминология родства у ногайцев // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии: материальная и духовная культура. - Черкесск, 1982.
119. Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2000. – 145 с.
120. Киекбаев Дж.Г. Лексика и фразеология башкирского языка. – Уфа, 1966. – 275 с.
121. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с.
122. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 184 с.
123. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и ка-

- рачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик, 1974.
124. Коков Дж. Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 170 с.
 125. Колесов М.С. Место и роль фольклора в духовной культуре общества. Автореф. дис... канд.филол.наук. – Л., 1972. – 19 с.
 126. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
 127. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 230 с.
 128. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 569 с.
 129. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. – Л.: Наука, 1982. – 360 с.
 130. Кононов А.Н. Тюркская фразеология в СССР (1917-1967). – М.: Наука, 1968. – 45 с.
 131. Кудаяев М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 100 с.
 132. Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. К истории этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе. – Уфа, 1980. – 11 с.
 133. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.
 134. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989 – 216 с.
 135. Культура и быт адыгов: этнографические исследования. Вып.2. - Майкоп, 1978.
 136. Культура и быт казахского аула. – Алма-Ата, 1967. – 304 с.
 137. Курбанов А. Термины зерновых культур и зернового хозяйства узбекского языка. Дис...канд. филол. наук. – Ташкент, 1975. – 218 с.
 138. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 213 с.

139. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтом-лукъ. I А-ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 б.
140. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтом-лукъ. II З-р. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1168 б.
141. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. IV. – М., 1969.
142. Ланге Б.А. Балкария и балкарцы// Кавказ. 1903. №287, - 294 с.
143. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – 424 с.
144. Лопатин В.В. Лексикализация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов.энцикл., 1990. – 258 с.
145. Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. – М., 1990. – 180 с.
146. Малкондуев Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 152 с.
147. Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эль-Фа. 1996. 272 с.
148. Малкондуев Х.Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.
149. Мамбетов Г.Х. Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. - Нальчик, 1972.
150. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1994.
151. Мамедов И.О. Этнографическая лексика азербайджанского языка. Автореф. дис...канд.филол.наук. – Баку, 1993. – 40 с.
152. Мамедова Б.Р. Названия одежды в азербайджанском языке. Автореф. дис... канд.филол.наук. – Баку, 1992. – 23 с.
153. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники и производства. – М., 1882. – 290 с.

154. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. – 224 с.
155. Медникова Э.М. Основные направления в изучении лексического состава языка с применением метода компонентного анализа в зарубежной лингвистике // Основы компонентного анализа. – М., 1969. – С.6-26.
156. Меметов А.О. О терминах родства в крымскотатарском языке // Советская тюркология, 1980, №6.
157. Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л.: Наука, 1979.
158. Мерцбахер Г. Высокогорные регионы Кавказа: Путешествия, приключения, наблюдения. Т.1. – Лейпциг, 1901. – [В библиотеке КБИГИ: 42 с.].
159. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. – М., 1976. – 245 с.
160. Мизиев И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 124 с.
161. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик, 1986.
162. Миржанова С.Ф. Терминология родства в диалектах башкирского языка // Советская тюркология, 1973, №4.
163. Мирзаев Н. Этнографическая лексика узбекского языка. Автореф. дис... канд.филол.наук. – Ташкент, 1971. – 39 с.
164. Мирзаева Л.Х. Источники формирования и семантика бытовой лексики современного узбекского языка. Дис... канд.филол. наук. – М., 234 с.
165. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л., 1987. – 207 с.
166. Мурадова С. Лексика ковроткачества в туркменском языке. – Ашхабад, 1968.
167. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 344 с.
168. Мусаев К.М. Караимский язык // Языки мира: Тюркские языки.- М.: Индрик, 1997. – С.264-272.

169. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М., 1975. – 358 с.
170. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков. – М., 1984. – 227 с.
171. Мусукаев Б.Х. Топонимика высокогорья Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 168 с.
172. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. – М., 1989. – 380 с.
173. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1984. – 255 с.
174. Нечаева О.А. Этнографическая лексика как источник обогащения русского литературного языка // Развитие литературных языков народов Сибири в Советскую Эпоху. – Улан-Удэ, 1965. – 71 с.
175. Никольский Н.В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. – Казань, 1919. – 479 с.
176. Новиков Н.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
177. Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1986.
178. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1988-1990. Сборник статей. – М.: Наука, 1993.
179. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – 797 с.
180. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 220 с.
181. Отаров И. М. Очерки карачаево - балкарской терминологии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 96 с.
182. Отаров И.М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви). – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 108 с.
183. Отаров И.М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка. Дис... канд.филол.наук. – Нальчик, 1974. – 251 с.
184. Очерки истории балкарского народа. – Нальчик, 1960.

185. Очерки общей этнографии. Т.5. Европейская часть СССР. – М., 1968. – 460 с.
186. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. - СПб., 1786. Кн.1 ч.2.
187. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. - СПб., 1773-1788. ч.1-4.
188. Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий. - СПб., 1787. – 412 с.
189. Петров Н.П. Чувашская терминология. - Чебоксары, 1979.
190. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Кустарная промышленность России. Т.2. – С.–Петербург, 1913. – 127 с.
191. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961.
192. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. - СПб., Т.1-4. 1893-1911.
193. Рамазанова Д.Б. К вопросу о возникновении перевязи в татарских говорах // Проблемы в лексикологии и терминологии татарского языка. – Казань, 1993. – С.63-69.
194. Рамазанова Д.Б. Некоторые материалы по обрядовой лексике говора пермских татар // Исследования по татарскому языкознанию. – Казань, 1984. – С.113-120.
195. Рамазанова Д.Б. Термины родства, как замкнутая лексика. Семантическая группа в условиях языковых контактов // Функциональное развитие татарского языка. – Казань, 1991.
196. Рахимова Р.К. Из земледельческой терминологии татарского языка.// Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 1992. – С.107-117.
197. Рахимова Р.К. Профессиональная лексика татарского языка, относящаяся к ткачеству, одежде, обуви и головным уборам. Дис...канд. филол. наук. – Казань, 1975. – 276 с.

198. Рахимова Р.К. Терминология овощей в татарском языке // Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка. – Казань, 1993. – С.36-50.
199. Рахимова Р.К. Терминология снаряжений верхового коня в татарском языке // Формы взаимодействия татарских и русских языков на современном этапе. – Казань, 1992. – С.43-55.
200. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1967. – 135 с.
201. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. - М., 1961.
202. Рустемов М.З. Арабо-иранские заимствования в казахском языке. Дис...канд.наук. – Алма-Ата, 1963. – 287 с.
203. Рясенен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955. – 222 с.
204. Саберова Г. Г. Названия растений в татарском литературном языке. Автореферат, дис...канд. фил. наук. - Казань, 1995. – 33 с.
205. Сафарова Р.З. Источники, пути и принципы формирования ботанических терминов башкирского языка. Дис... канд. фил. наук. - М., 1984.- 194 с.
206. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 10. - Тифлис, 1890 (СМОМПК, 1890).
207. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков : Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "И".- М., 1989.
208. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
209. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б".- М., 1978.
210. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские основы на гласные.- М., 1974.

211. Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г", "Д". - М., 1980.
212. Серебренников Б.А. Номинация и проблемы выбора // Языковая номинация. Общие вопросы. - М.: Наука, 1977. С. 147- 187.
213. Словарь русского языка. - М., 1961. - Т. 4. – 1056 с.
214. Словарь современного русского литературного языка. - М., -Л., 1965. – 1942 с.
215. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. - М.: Издательство литературы по иностранному языку, 1956. - 260 с.
216. Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. -4-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1987. - 1600 с.
217. Стрейс Я.Я. Три путешествия. Описание города Терки // АБКИЕА, 1936.
218. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
219. Студенецкая Е.Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и межнациональных связей // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. - Нальчик, 1974.
220. Студенецкая Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // Кавказский этнографический сборник. VI. – М.-Л., 1976.
221. Судаков Г.А. Лексикология старорусского языка. Предметно -бытовая лексика. - М., 1983, - 101 с.
222. Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. - Черкесск, 1977.
223. Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // Сборник материалов для описания местностей и племен кавказа. - Тифлис, 1913, вып.43.
224. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М., 1967.
225. Тажмуратов Г. Термины технических культур в казахском языке. - Ташкент, 1968.

226. Татаринцев Б. И. Заимствование или исконная лексика. (К проблеме древних слов иноязычного происхождения в тюркских языках) // Вопросы языкознания. - М., 1993. № 1. - С. 113-128.
227. Татарская грамматика. Т.1. – Казань, 1995. – 583 с.
228. Татарская грамматика. Т.II. Морфология. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. – 397 с.
229. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. – М.: Наука, 1989. – 448 с.
230. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. - Л.: Наука, 1983. - С. 181-190.
231. Толстой Н.И. Язык и народная культура // Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995.
232. Уварова М.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. – М., 1900. – 381 с.
233. Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 116 с.
234. Улаков М.З. Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка (лексический и лексикографический аспекты): Дис. в виде научного доклада... д-ра филол. наук. – Нальчик, 1995. – 63 с.
235. Улаков М.З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке. Дис...канд фил. наук. - М., 1983. - 152 с.
236. Улаков М.З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке: Автореф.дис... канд.филол.наук. – Баку, 1983. – 22 с.
237. Улаков М.З. История карачаево-балкарского языка (краткий курс лекций). – Нальчик, 2001. – 80 с.
238. Улаков М.З., Чеченов А.А. Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 2001. – 52 с.

239. Ураксин З.Г. Функциональное отношение и взаимодействие языков народов, населяющих Башкирию // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. - Казань, 1982. – С.150-155.
240. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. - М., 1962. - 286 с.
241. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. - М., 1939.Т.2. – 12 с.
242. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 - 4. -М., 1964- 1973, 1986- 1987.
243. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Введение в языкознание. Хрестоматия. - Минск, 1977. – 249 с.
244. Хабичев М.А. К гидронимике Карачая и Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 136 с.
245. Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 218 с.
246. Хаджилаев Х.-М.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. - Черкесск, 1970.
247. Хайрутдинова Т.Х. Названия продуктов питания в татарских говорах // Нормативность и вариативность в татарском языке. - Казань, 1987.
248. Хайрутдинова Т.Х. Семантико-морфологическая структура названий кулинарных изделий в литературном языке и отдельных говорах // Истоки татарского литературного языка. - Казань, 1988. - С. 102-107.
249. Храковский В.С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики// Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С.65-76.
250. Цинциус В.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков. - Л., 1979.
251. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. – Таганрог, 1992. – 177 с.

252. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис, 1913.
253. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2-х т. Т.1-2. - М., 1977.
254. Шамшатова А. Лексика знаковых культур в казахском языке. Дис... канд. фил. наук. - Алма-Ата, 1966. - 213 с.
255. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. - М., 1959. – 111 с. Лексикология современного русского языка. - М., 1964. – 118 с.
256. Шанский Н.М., Тихонов А.Я. Словообразование. Морфология // Современный русский язык. В 3- х частях. Часть 2 -М., 1981. – 270 с.
257. Шипицина Г.М. Сущность категории «лексико-семантическая группа» и методика выделения лексико-семантических групп имен прилагательных // Проблемы изучения слова. Вып. 1. - Свердловск, 1975. – 19 с.
258. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. - Уфа, 1995. - 240 с.
259. Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. - М. 1984. - 250 с.
260. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. -М.: Наука, 1973.- 280 с.
261. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.
262. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. - М., 1961.- С 81-172.
263. Щербак А.М. Очерки сравнительной грамматики тюркских языков (имя). – Л.: Наука, 1977. – 190 с.
264. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике -М.: Наука, 1974. - 255 с.
265. Энциклопедический словарь русского языка. - М.: Советская энциклопедия, 1980.- 1574 с.
266. Этимологический словарь тюркских языков. – Обще-тюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». – М.: Наука, 1989. – 377 с.

267. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления.- М.: Наука, 1988.- 225 с.
268. Этнопсихоллингвистика. Сб.статей. – М.: Наука, 1998.
269. Юдахин К.К. Киргизско- русский словарь. - М. 1965. – 798 с.
270. Юлдашев А.А. К сравнительно - исторической грамматике тюркских языков. Т. 4. Лексика. - М., 1981. - 74 с.
271. Юлдашев А.А. Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях // Советская тюркология. - 1970. - №1.
272. Юлдашев А.А. Лексикализация тюркских грамматических форм // Вопросы языкознания. - 1977 - №1.
273. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. – 281 с.
274. Юрченко В.С. Философские и лингвистические проблемы семантики. – Саратов, 1993. – 48 с.
275. Юсупова М.А. Киргизские народные термины материальной культуры. Дис... канд.фил. наук. – Алма-Ата, 1988. – 212 с.
276. Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме. – Тверь, 1999.
277. Языковая номинация. Виды номинаций. - М., 1977.
278. Языковая номинация. Общие вопросы / Под. ред. Б.А.Серебренникова и А.А. Уфимцевой. - М., 1977.
279. Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. -Уфа, 1989.- 192 с.
280. Яруллина У.М. Лексика, связанная с ткачеством // IX конференция по диалектологии тюркских языков. - Уфа, 1982.
281. Crönbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. - Kopenhagen, 1942 (СС, 1942).
282. Pröhle W. Karatschajisches Wörterverzeichnis. Keleti Szemle, Bd. X. - Budapest, 1909 (Прёле, 1909, - карач.).
283. Pröhle W. Balkarische studien. I Keleti Szemle. Bd. XVI. - Budapest, 1914-1915 (Прёле, 1914, - балк.).
284. Gùldenstädt J., 1787.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Этнографическая лексика и история ее изучения в тюркских языках	8
1.1. Понятие об этнографической лексике	8
1.2. Из истории изучения этнографической лексики в тюркских языках	20
1.3. Изучение этнографической лексики карачаево-балкарского языка	26
1.3.1. Краткие историко-лингвистические сведения о карачаево-балкарском языке и его диалектах	26
1.3.2. История собирания и изучения этнографической лексики карачаево-балкарского языка	29
1.3.3. Источники изучения этнографической лексики	31
ГЛАВА 2. Лексико-семантические группы и основные принципы номинации этнографической лексики карачаево-балкарского языка	48
2.1. Лексико-семантические группы этнографизмов	48
2.2. Характеристика этнографизмов с функционально-семантической точки зрения	61
2.3. Основные принципы и способы номинации этнографизмов	64
ГЛАВА 3. Способы образования этнографической лексики и ее лексико-семантические, структурные особенности	75
3.1. Морфологический способ	75
3.2. Лексико-семантический способ	82
3.3. Конверсионный способ	83
3.4. Семантико-морфологический способ	84
3.5. Структурные особенности этнографической лексики карачаево-балкарского языка	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	93
БИБЛИОГРАФИЯ	97

Научное издание

Алим Каншауович АППОЕВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

ЛР № 040940 от 04.02.1999

Формат 84x108¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 5.5.

Тираж 500 экз. Заказ № 15

Оригинал-макет подготовлен
Институтом гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН

Издательство
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук
360000, г. Нальчик, ул. И. Арманд, 37"а".

Тел. (8662) 42-65-42